

СЕКРЕТ КОРОЛЕВЫ

До того, как стать
королевой, она была
ассасином.

МЕЛИССА ДЕ ЛА КРУЗ

Мелисса де ла Круз

Секрет королевы

Серия «Секрет королевы», книга 2

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68335229
ISBN 978-5-04-175013-8

Аннотация

БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES.

Продолжение «Королевского ассасина», романтического фэнтези об опасном наемном убийце, его загадочной ученице и дворцовых интригах. Для фанатов Сары Дж. Маас, Виктории Авеярд, Холли Блэк и Лоры Себастьян.

По землям Авантина бродит демон. Это не кто иной, как король Тиран, похититель душ, чудовище из древних преданий. За три века он сменил множество лиц и уничтожил бесчисленное количество невинных жизней.

Королевский ассасин Кэледон Холт и принцесса Сирень разоблачили Тирана и раскрыли его истинную сущность. К несчастью, они не смогли предать его дух огню, и посему демон продолжает жить.

Принцессе предстоит выйти замуж, чтобы объединить два королевства. Она должна родить наследника и навсегда расстаться с Кэледоном, любовью всей своей жизни.

В то же время похититель душ собирает силы для мести, и вскоре принцессе придется сразиться за свое королевство.

«Захватывающий сюжет, который цепляет читателя с первой строчки, закрученные сюжетные повороты, магические элементы и юмористические вставки». – *School Library Journal*

Содержание

Предыстория	8
Пролог	14
I	17
Глава 1	17
Глава 2	26
Глава 3	37
Глава 4	48
Глава 5	57
Глава 6	64
Глава 7	77
Глава 8	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Мелисса де ла Круз

Секрет королевы

Melissa de la Cruz

THE QUEEN'S SECRET

Copyright © 2021 by Melissa de la Cruz.

This edition published by arrangement with G.P. Putnam's Sons,

an imprint of Penguin Young Reader's Group, a division of Penguin Random House

Cover design by Kristie Radwilowicz

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© NataCyrick, ly Studio, Weerachai Khamfu / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с английского Е. Татищевой

Художественное оформление Р. Фахрутдинова

© Е. Татищева, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящаю Майку и Мэтти, всегда.

Предыстория

По четырем государствам Авантина – Реновии, Аргонии, Монтрису и Ставину – бродит демон. Это не кто иной, как король-тиран Фраз, чудовище из древних преданий, черное пятно на истории Авантина.

Смерть этого тирана много веков назад не избавила Авантин от него. И не важно, что его тело было обращено в пепел. Когда оно было сожжено, огонь Деи не смог очистить его дух – об этом позаботилась секта его сподвижников, монахов-афразианцев. Благодаря заклинаниям и колдовским чарам, которые они творили вокруг его погребального костра, король продолжил существовать.

За много столетий маг-перевертыш Фраз завладел множеством чужих тел, сменил множество лиц и уничтожил бесчисленное количество жизней и душ. Если захваченное им тело умирает, но его не сжигают огнем Деи до восхода солнца, дух Фраза продолжает жить.

Вместе с королем Фразом в новом человеческом обличье афразианцы только увеличивали свои силу и дерзость, ибо они завладели Свитками Деи, в коих содержалась магическая премудрость Авантина. Прошли столетия, и храбрый король Реновии Эзбан выступил против афразианцев, распустил их монастыри и потребовал, чтобы они вернули свитки и поделились своими знаниями со всем его народом. Афразианцы

зианцы ответили кровавым мятежом, центром которого стала их твердыня, аббатство Баэр. Король Эзбан возглавил атаку на афразианцев, но, увы, пал на поле боя.

Главный Ассасин Реновии Кордин Холт дал овдовевшей королеве Лилиане обет на крови, обязавшись вернуть королевству Свитки Деи. Тем самым он на всю жизнь связал себя самого и своих потомков клятвой служить королеве, защищать корону и вернуть священные свитки. Однако и ныне, целое поколение спустя, свитки остаются в руках афразианцев.

Когда король-тиран правил, он разрушил жизнь многих своих подданных и многих из них убил, а одного проклял, принудив его служить себе вечно, – то был помощник конюха, мальчик по имени Джендер, который говорил так редко, что многие считали его немым. Джендер был освобожден из рабства, но остался обречен на бессмертие, покуда не будет убит король Фраз.

У Кордина Холта был единственный сын, Кэледон, занявший после смерти своего отца место Главного Ассасина. У королевы Лилианы была единственная дочь, Сирень, которая жила под видом девушки по имени Тень из Медовой Поляны и жаждала стать ассасином Гильдии Очага. Вместе Кэл и Тень отправились в Монтрис, чтобы раскрыть заговор против Реновии, и с помощью Джендера они разоблачили герцога Гирта, в обличье которого скрывался маг-перевертыш и похититель душ король Фраз.

К несчастью, они не смогли предать дух короля Фраза огню, и посему демон продолжает жить, насылая на королевство беды. И только когда Фраз по-настоящему умрет, Джендер сможет избавиться от тяготеющего над ним проклятия и упокоиться с миром.

Еще более усугубив дело, Кэл и Тень полюбили друг друга, и, когда Кэл был приговорен к смерти за убийство герцога, Тень, спасая его жизнь, открыла, что она и есть принцесса Сирень. А вскоре вышла замуж за короля Монтриса, дабы объединить два королевства, отказавшись от их любви навсегда.

Но у королевы Сирени есть секрет.

* * *

*Герцогство Ставин
Герцогский дворец*

Ваше Величество!

Я приветствую короля Хансен и королеву Сирень и королевства Реновиш и Монтриса во имя нашей великой богини Деи, которая некогда объединяла все государства Авантина, и молюсь о том, чтобы когда-нибудь мы снова познали ее благословенный мир.

Ваше бракосочетание, состоявшееся в прошлом месяце на ежегодный праздник урожая, сулило нам золотую осень и начало новой эры изобилия, гармонии

и плодородия.

Но теперь осеннее изобилие позади. Мы получили вести о новых и ужасных событиях на южной границе Ставина. Похоже, орден афразианцев снова на подъеме. Люди видели, как монахи переходили границу между Монтрисом и Ставином. В последнее время имело место несколько приграничных стычек и налетов на территорию Ставина, включая чудовищные набеги на ставинские деревни и фермы. Мы считаем, что это дело рук афразианцев. Ставин не будет сидеть сложа руки, пока нашим подданным грозит опасность. Если речь идет о темной магии, это требует немедленных действий.

Я также получил тревожные сведения из Аргонии, согласно коим Реновия не только является убежищем для ордена афразианцев, но, возможно, еще и использует этих монахов в кампании по вторжению в Ставин с целью его аннексировать. Мне говорят, что именно поэтому ваши величества и ваши королевства и добились столь незначительных успехов в искоренении ордена афразианцев. Эти толки подпитываются присутствием на троне и Реновии, и Монтриса королевы из рода Деллафиоре. В моем Высоком Совете и у моих генералов имеются опасения, что вернувшаяся к власти династия Деллафиоре может иметь притязания на территории Ставина и Аргонии.

Поэтому я сейчас и призываю вас обоих принять соответствующие государственные меры. Если члены ордена афразианцев имеют скрытый оплот в болотах

и лесах Реновии – значит, там у них есть база, с которой, возможно, и осуществляются эти налеты и нападения. Что и дальше может подпитывать печальные слухи о том, что Реновия и косвенным образом Монтрис не только терпят, но и поощряют их насилие и террор.

Сам я никоим образом не намекаю, что ваши величества не желают изживания этой язвы. Однако необходимо, чтобы вы приняли меры для этого.

Если же у вас нет желания или способности подавить орден афразианцев и вы не можете вернуть себе древние свитки и уберечь их от злодеев, то герцогство Ставин должно будет принять меры. Наши вооруженные силы будут вынуждены войти в Монтрис, дабы защитить наши собственные земли и наш народ. Мы не желаем, чтобы нас аннексировало другое королевство, и не позволим, чтобы на нас нападали подрывные силы, базирующиеся в другом королевстве, сколь нежеланным и скрытным ни было бы их присутствие там.

Такие действия не имеют прецедента в мирное время, но позвольте мне выразиться ясно: Ставин – суверенное государство, и я его правитель. С каждой неделей все большее и большее число моих подданных уверяются в том, что ваши величества не имеют желания принять меры, и подозрение падает на Реновию и Вас, Ваше Светлейшее Величество Королеву Сирень Деллафиоре.

Я ожидаю Вашего ответа с большим интересом и

глубочайшим уважением.

Гораник,

Великий Герцог Ставина

Пролог

Далеко на севере королевства Монтрис зима обычно приходит рано. Мягкие осенние дни закончились, собранный урожай уложен на хранение в амбары и погреба, вяленое мясо подвешено на дубовых балках. Поля опустели, на них остались только стога сена, готовые для перевозки в конюшни и хлева. Здесь, на дальнем севере, жители привыкли к снегу.

Поэтому, когда еще до того, как с деревьев опадают последние листья, начинается метель, никто не обращает на это особого внимания. На протяжении трех дней воет ветер и валит снег. В деревне Стур снега скапливается так много, что ее жителям приходится выкапывать в нем туннели, чтобы можно было открывать двери, и все здешние семьи просыпаются в темноте, поскольку их дома занесло снегом. В конце концов метель заканчивается, они выбираются наружу и видят, что и крыши их завалены снегом, что он забил дымоходы и колодцы.

Старейшины Стура говорят, что их деревня еще никогда не видела такого снега, во всяком случае на памяти ныне живущих. Их тревожит предстоящая зима. Зато снег превратил грязные улицы деревни и вспаханные поля в белую, сверкающую зимнюю сказку. После того как ребятишки Стура заканчивают свои утренние домашние дела, они собираются

на заснеженных склонах и, весело крича, прыгают в сугробы или скатываются по склонам на самодельных санках из связанных веток.

Пруд скован толстым белым льдом. По льду скользит собака, лая от удивления, и дети решают попробовать покататься по пруду – они слышали о таком развлечении, но никогда не пробовали. Они сдирают с окрестных берез кору и кожаными ремешками привязывают ее к своим ботинкам. Самые смелые катятся по льду первыми и смеются, когда теряют равновесие и растягиваются на твердой скользкой поверхности. Вскоре деревенские ребятишки уже вовсю резвятся на замерзшем пруду.

Звучит раскат грома и будто раскалывает послеполуденную тишину. Темная туча движется по зимнему голубому небу, так что снег перестает блестеть на солнце. Ребятишки смотрят вверх, надеясь, что опять пойдет снег.

Но снег не идет. Не падает ни одной снежинки. Гром грохочет опять, так оглушительно, что сотрясаются дома. Небо раскалывает молния, и по льду пруда расползаются змеистые черные трещины. Настолько же черные волны скатываются с холмов на берега пруда и врываются на заснеженные улицы деревни.

Лед начинает расходиться, снег тает так же внезапно, как лег. Потоки ледяной воды сбегает с холмов, и главная улица Стура превращается в стильную реку, уносящую людей и животных. С громовым треском лед на пруду раскалывается,

дети падают в воду, тшчатся выбраться. Но потоки холодной воды всё бегут с окрестных холмов, и пруд превращается в сливное отверстие, затягивающее все — и всех — в свой ледяной водоворот.

Когда темная туча уходит, от снега не остается и следа. Вокруг только сырые поля, голые склоны холмов и грязное месиво на улицах. Деревенский пруд неподвижен, и белого льда на нем уже нет. Жители Стура, пережившие потоп, бросаются к пруду и сквозь слой нового льда, тонкий, как паутинка, видят под водой тела детей с лицами, искаженными от ужаса.

Когда из деревни в столицу королевства, Монт, готовится выехать гонец, ему напоминают, что при всей странности и чудовищности сегодняшних событий в них есть одна деталь столь необычная, что о ней непременно надо доложить.

Слой льда на поверхности пруда не был ни серым, ни грязно-белым, как обычно. Он имел цвет весенней сирени.

I

Король и королева

Глава 1

Кэл

Он не может отвести от нее глаз. Королевская процессия – едущие верхом король и королева, недавно сочетавшиеся браком, за которыми следуют их придворные, также на скакунах, марширующие гвардейцы и негромко играющий духовой оркестр, втиснутый в украшенный фургон, – опять совершает увеселительную прогулку по окрестностям столицы страны, города Монта.

Кэл разместил ассасинов по всей процессии, дабы во всеоружии встретить любую угрозу, от кого бы она ни исходила – от участников кортежа или от жителей, собравшихся вдоль дорог. Он отправил Джендера вперед, чтобы тот ехал с дозорными и королевским глашатаем. Кэл ехал и думал, что он никогда не привыкнет к местной манере произносить слова нараспев. Куда лучше нейтральный акцент реновианцев: в Реновии все – и люди, и рельеф – лишены претенциозности. В Монтрисе и его королевском дворе есть нечто показное, и это Кэлу не по душе. Даже в сегодняшней процессии

все дышит бахвальством – тридцать придворных, шестьдесят гвардейцев.

Вершины далеких гор покрыты снегом, но здесь, в низине, все еще осень. После свадьбы, состоявшейся несколько месяцев назад, король Хансен и королева Сирень совершают такие поездки по меньшей мере два раза в неделю, дабы посетить города и деревни и возглавить празднества по случаю окончания сбора урожая.

Королева Сирень. Теперь все знают, кем на самом деле является его подруга Тень. Он привык к этому с трудом и не сразу, хотя и принял этот ее новый для него статус. Он смотрит вперед, на ее стройную изящную фигуру на коне, ее плащ закинут на одно плечо, поскольку сегодня тепло и ярко светит солнце. Хансен, ее муж, наклоняется к ней и что-то говорит. Сирень смеется. Она поднимает лицо к свету, но Кэл едет позади нее и не может видеть его выражения. Его пронзает острая, мучительная ревность. Красота короля банальна, безлика, и все же он красив и величествен на своем великолепном скакуне, когда милостиво машет толпе.

Королевства Монтрис и Реновия теперь объединены. И жителям предлагается полюбоваться счастливыми молодыми королем и королевой – такими красивыми, такими нарядными и с таким удовольствием знакомящимися со своими замызганными подданными в их грязных деревнях. Все это делается, чтобы опровергнуть слухи о том, что их брак был заключен лишь из политической целесообразности.

Пусть на людях Сирень и играет роль жены и королевы Хансена, ночью благодаря тайной комнате, примыкающей к ее опочивальне, и потайному ходу она по-прежнему остается Тенью и принадлежит ему, Кэлу. И совсем недавно, утром, они лежали в объятиях друг друга. Но теперь она едет рядом с королем, в то время как он должен ехать с краю, высматривая потенциальную опасность.

Тот факт, что Кэл делит с королевой постель, меж тем как король спит со своими сменяющимися друг друга фаворитками, не касается никого, кроме их величеств. Хансен и Сирень ведут себя друг с другом подчеркнуто любезно, хотя и холодно. Если королю и не нравятся слишком уж дружеские отношения между его женой и королевским ассасином, то он этого не показывает.

– Да здравствует король! – кричат люди, стоя у живых изгородей, каменных оград и покосившихся деревянных заборов. А вот несколько человек приветствуют и королеву. Особенно ею восхищаются женщины и девушки. Сирень красива и полна жизни – как и их король, – и в ее жилах течет кровь древних и прославленных правителей Авантина. И не только – все знают, что она принесла своему мужу богатое приданое, весьма пополнившее королевскую казну.

Сегодня у дороги не так много зевак, отмечает про себя Кэл и, натянув поводья своего жеребца, поворачивает и отъезжает назад. На улице поздняя осень, и большая часть празднеств и обрядов, приуроченных к окончанию сбора

урожая, уже позади. Кэл подозревает, что Сирени будет не хватать этих прогулок, хотя после них она всегда жалуется на то, что ей приходится ехать бок о бок с Хансеном и притворяться, будто она находит его интересным собеседником. На самом деле она считает его невыносимо скучным, а сам Хансен досадует на то, что ему приходится посещать деревни, вместо того чтобы скакать по лесам с псовой охотой. Каждый холодный день напоминает королю, что на дворе охотничий сезон, и он жаждет вернуться к своим развлечениям.

Впереди появляется деревня, одна из нескольких, которые лежат нынче на пути кортежа по дороге в город Сэнктон. Кэл скачет к голове колонны и, быстро повернувшись, смотрит на Сирень. Она улыбается, но это принужденная улыбка. Что ж, по крайней мере визит в деревню приободрит ее. Во время этих осенних поездок в каждой деревне и деревушке, в каждом городе Кэл видел сиреневые ленточки, привязанные к оконным защелкам и веткам деревьев. Жители Монтриса рады, что Сирень стала их королевой. В городах маленькие девочки подносят ей букеты из осенних листьев и цветов. Хансена всякий раз просят испить из рога, символизирующего рог изобилия, и он всякий раз повторяет одну и ту же шутку о том, что предпочел бы выпить эля, а не колодезной воды. Все смеются, он неуклюже целует Сирень в щеку, и процессия движется дальше.

Вряд ли сегодняшний день пройдет иначе, чем предыдущие, но на душе у Кэла беспокойно. Он подъезжает к

Джендеру и кивает ему. Некоторые люди удивляются тому, что Главный Ассасин доверяет какому-то худосочному мальчишке и полагается на него, им невдомек, что Джендер не просто мальчик – подручный конюха, каким кажется на первый взгляд, и что он намного старше, чем любой житель королевства.

– На дороге нынче безлюдно, – тихим скрипучим голосом замечает Джендер.

– Не слишком ли безлюдно?

Джендер чуть заметно пожимает плечами. Но Кэл доверяет его инстинктам, как доверяет своим собственным. Что-то здесь не так. Быть может, до этой деревни уже дошли вести из Стура. Он просил короля отказаться от этой поездки, но Хансен стоял на своем. За спиной Кэла несколько человек выкрикивают приветствия королю, но, пожалуй, делают это не так рьяно, как обычно. Выстроившиеся вдоль дороги деревенские жители вытягивают шеи, чтобы посмотреть на Сирень, но не улыбаются и не приветствуют ее. Эта лежащая впереди деревня похожа на все прочие в этой части Монтри-са – хотя столица королевства Монт богата и блистательна, в здешних деревнях полно мазанок с соломенными крышами, овец и коз в загонах, в каждой есть деревянные поилки, колодец с ветхим навесом, куры, копошащиеся в грязи, и один-два ослика, привязанных к столбу. Различаются эти деревни только тем, что где-то жители кажутся более грязными, где-то – менее, где-то древо жизни стоит посреди дороги, а где-

то – на общественном лугу.

– Да здравствует король! – кричит глашатай из замка Монт, облаченный в бело-зеленую ливрею и с бородой такой же рыжей, как листья, слетающие с деревьев. – Да здравствует королева!

– Да здравствуют дети Стура, – раздается голос из толпы. Стало быть, им уже известно, что произошло в Стуре. Голос принадлежит молодому мужчине, но, когда Кэл пытается найти его в толпе, из этого ничего не выходит. У всех собравшихся здесь угрюмые лица – они кажутся недовольными, что и понятно.

Мгновение – и все жители деревни подхватывают крик:

– Да здравствуют дети Стура! Да благословит Дея детей Стура! Не забудем детей Стура!

Кэл оглядывается по сторонам. Нигде не видно сиреневых лент, ни одной.

– Молитесь за детей Стура! – пронзительно кричит какая-то старуха. – Будь проклята злая магия, убившая их!

Кэл рысью подъезжает к Сирени и Хансену, вглядывается в их лица. Оба они слышали крики жителей. Хансен явно чувствует себя не в своей тарелке, кажется, он готов повернуть своего коня и поскакать домой. Лицо Сирени остается спокойным, безмятежным – наверняка это результат обучения ее тетюшек, этих опытных ассасинов. Ничем не показывай своих чувств – ни мимикой, ни жестами. Не позволяй врагам увидеть, что ты нервничаешь, удивлена или что ты не

готова. Что тебе страшно.

– Да проклянет Дея ведьму, которая убила их! – кричит один из мужчин, и конь Хансена вскидывается, испуганный шумом. Кэлу это не нравится. Ведьма? Кого они имеют в виду? Он оглядывается по сторонам. Похоже, они все смотрят в одну и ту же сторону. На одного человека. На королеву.

Сиреневый лед.

– Фу-у! Фу-у! – слышатся вокруг сердитые голоса, и женские, и мужские.

Вот оно что. Надо это прекратить, прямо сейчас.

– Ваше величество, – говорит Кэл, подъехав к Хансену. – Полагаю, нам надо вернуться в столицу.

– В чем дело? – спрашивает Хансен, явно сбитый с толку. – Они пугают моего коня.

– наших подданных расстроила ужасная новость, пришедшая из Стура, – звонким и ясным голосом говорит Сирень, несомненно зная, что толпа услышит ее слова. – Этого следовало ожидать. Нам стоило бы отменить поездку, как я предлагала. Это... неуместно в такое печальное время.

– Не понимаю, с какой стати они злятся на нас, – сетует Хансен, хмуро глядя на Сирень. – Проклятие, тьфу, пропасть. Нам ничего не известно, как и всем остальным, ведь гонец с вестями из Стура явился только сегодня утром. Так что я не увидел причин менять планы. Это же по-прежнему мое королевство.

– Разумеется, – соглашается Кэл, желая поскорее закон-

читать этот разговор. Злобные крики «Фу-у» становятся все громче, толпа нагледит. Он вскидывает руку, призывая ассасинов подъехать, и они, галопом выехав вперед, окружают короля и королеву.

– Охраняйте короля и королеву, – бормочет Кэл. – Следуйте за мной.

– В чем дело? Что здесь происходит? – Это герцог Овинь, лицо его, и без того красное, покраснело еще гуще: – Что за сыр-бор? Если хотите знать мое мнение, этих подданных нужно хорошенько высечь. Я никогда не слышал такого непочтительного вздора.

– Мы возвращаемся в замок, ваша светлость, – говорит ему Кэл. – Прямо сейчас.

– Хорошо, но гвардейцам следовало бы арестовать кое-кого из этих мужланов и наказать в назидание другим.

– Не делайте этого, – Сирень говорит все так же спокойно и твердо, хотя Кэл уверен, что ей сейчас не по себе. Когда он смотрит в ее темные глаза, они не блестят. – Нам надо спешить.

По кивку Кэла Джендер едет в хвост кортежа, чтобы сообщить, что король и королева уезжают, возвращаются назад. Минута – и они уже едут обратно, поворачивают и направляются туда, откуда приехали, – в Монт. Город виден вдаль, на вершине холма, и Кэл хочет, чтобы обратный путь был проделан как можно быстрее.

Эта сельская местность уже не то идиллическое место, ка-

ким было, здесь небезопасно.

– Да проклянет Дея ведьму, которая убила их!

Почему настроение жителей Монтриса, которые только на прошлой неделе так обожали свою королеву, так изменилось? Неужели они считают, что Сирень и есть та «ведьма», которой они боятся? Кэл обеспокоен, но сейчас ему надо доставить Сирень за городскую стену и в замок Монт, где ее подданные не будут ей угрожать.

Глава 2

Сирень

Прошло уже три дня после того, как мы в последний раз ездили по окрестностям, и сейчас никому не разрешено покидать королевский замок. Жители Монта называют его дворцом, но он, скорее, похож на крепость, и его заросший сорняками ров усеян железными шипами – защита от посягателей. С наступлением темноты на входе опускается тяжелая решетка и поднимается мост. Мы заперлись здесь – ради безопасности. Нынче небезопасно, и, боюсь, будет только хуже.

Если не считать чрезвычайного заседания Малого Совета, в последнее время я не видела Хансена. Он привык к тому, что подданные его любят, и вряд ли спокойно воспринял прием, оказанный нам три дня назад. Возможно, по его мнению, это моя вина. Собственно говоря, я уверена, что, по его мнению, это моя вина.

Погода переменилась, став холодной и по-настоящему зимней, и было решено, что мы прекратим наши поездки по Монтрису до тех пор, пока... пока что? Пока не придет весна? Нет. Пока не утихнут слухи и не уляжется злость.

День тянется медленно, затем наконец приходит ночь. Я ложусь на мою огромную кровать, задерживаю парчовые занавески, после чего мои фрейлины уходят, возясь со свеча-

ми, причем каждая старается стать последней, кто пожелает мне спокойной ночи.

– Спите спокойно, ваше величество, – говорят они, хотя их лица тревожны, и вряд ли кто-то из них спокойно спит в последние дни. Все только и говорят что об ужасных новостях из Стура и о людях, которые там погибли. О *детях*, которые там погибли. Мои фрейлины следят за своим языком и ничего мне прямо не говорят, однако члены Малого Совета менее осмотрительны. Как бы то ни было, я все поняла – как только увидела их лица, как только услышала недовольство в их тоне после того, как Хансен и я выехали в последний раз. Они ненавидят меня. Они обвиняют меня.

Сиреневый лед на пруду. Проклятие реновианской ведьмы. Проще винить того дьявола, которого ты знаешь – королеву-чужеземку, – чем неизвестного, тех демонов, что снова бродят среди нас. Великий герцог Ставина уверен, что афразианцы вернулись, и я не стану с ним спорить. Мы и правда действуем слишком медленно. Беда в том, что король не знает, даже с чего начать поиски злодеев. Афразианцы словно растворились в воздухе. Я пыталась уговорить Хансена отправить солдат в аббатство Баэр, но король не желает меня слушать. К тому же правительницей Реновии по факту остается моя мать.

Я лежу на своей огромной кровати, подложив под спину подушки, слушаю тихие ночные звуки и ожидая.

Вероятно, Хансен в своих собственных покоях на другом

конце главной башни замка сейчас развлекается как обычно – напивается, играет в азартные игры или блудит. С кем он проводит время – со своими фаворитками или собаками, я, по правде говоря, не знаю. Конечно, нельзя исключать, что он выслушивает в эту минуту доклады о поисках Свитков Деи и пьет чай, но я в этом сомневаюсь.

После нашей свадьбы он держится на расстоянии, и это для меня громадное облегчение.

Он не настаивает на моем присутствии на своих вечерних увеселениях и ни разу не пытался разделить со мной мою постель или пригласить меня в свою. Ведь для нас обоих этот брак – всего лишь политический союз. Но сейчас это политическая катастрофа, поскольку люди подозревают меня в тех чудовищных делах, которые творятся в последнее время.

Часовые на стенах перекрикиваются, где-то вдалеке кричит сова. Когда ночью нет ветра, мне кажется, я слышу ржание лошадей в конюшне, хотя, возможно, это только плод моего воображения. Поскорее бы замок затих и дневные дела подошли к концу.

Потому что тогда ко мне придет Кэл – проскользнет через потайную дверь в замковых подвалах и поднимется по узкой каменной лестнице в маленькую комнатку, которую мы с ним называем Секретом Королевы. Я жду, когда он постучит в ее дверь. Жду, жду, жду.

Прошло три дня после того злополучного визита в деревню, три дня с тех пор, как он приходил ко мне. Я не могу де-

монстрировать ему свое расположение на людях, но я видела тревогу в его глазах, когда толпа в деревне начала звереть. Я хочу сказать, что ему незачем так беспокоиться, но мною также владеет эгоистическое желание быть с ним.

Огонь в камине уже почти догорел, он больше не трещит. Свеча у моей кровати еще горит, но дает мало света, так что я не вижу дальние углы просторной комнаты. И я жду, ориентируясь на звуки.

Тук-тук-тук.

Я вскакиваю с кровати, торопливо хватаю ключ, который прячу в томике реновианских легенд, лежащем на прикроватном столике у меня под рукой. И бегу в самый темный угол опочивальни, не потрудившись взять свечу. Я знаю дорогу туда как свои пять пальцев, знаю каждый стул, каждую скамеечку для ног, которые надо обойти. Кэл, конечно же, тоже прошел по подвалам и поднялся по лестнице тайно, в темноте. Чтобы открыть дверь, мне надо отодвинуть гобелен и ощупью найти на дубовой панели скрытый замок.

Я со щелчком поворачиваю ключ в замке, и уже одно сознание того, что он здесь, рядом, пьянит меня. Я чувствую, что он стоит передо мной, высокий, широкоплечий, даже до того, как он успевает что-то произнести. Мне достаточно протянуть руку и коснуться его груди, такой твердой, такой широкой, и я начинаю сладко млеть.

– Сирень, – говорит он тихо и нежно и, войдя в комнату, обнимает меня прежде, чем закрыть дверь. Я не хочу его от-

пускать. Я утыкаюсь лицом в его шею, вдыхая его запах, который невозможно описать. В нем есть запах мускуса и слабое благоухание цветов боярышника, экстракт которых мы в Реновии добавляем в мыло. От Кэла пахнет домом.

– Я скучала по тебе. – До сих пор я даже не осознавала, насколько сильно мое напряжение от того, что мне целыми днями приходится притворяться. – Где ты был?

– Расспрашивал гонца, приехавшего из Стура, и отправлял туда моих людей, чтобы получить ответы и на другие вопросы, – отвечает Кэл и, запрокинув мою голову, нежно целует меня. – Мне надо выяснить, какие сведения достоверны, а что всего лишь слухи, порожденные страхом.

– И как, этот гонец сказал тебе что-то такое, чего ты не знал? – спрашиваю я. Кэл качает головой, и я вижу, какой усталый у него вид: под глазами у него темные круги, щеки впали и покрыты щетиной. Неудивительно, что он так измотан: после нашей последней поездки за пределы Монта столицу наводнили шпионы из Аргонии и Ставина. Их послы устраивают приемы для богатых и именитых монтрисианцев, пока их шпионы вынюхивают и высматривают у нас за спиной.

– Половина того, что я слышу, – отвечает он, – мифы и рассказы.

Я кладу руки на его виски и начинаю их массировать. Если бы я могла снять с его плеч бремя забот, я бы это сделала. Он для меня в куда большей мере муж, чем король Хансен.

Он кладет голову на подушку, оливковая кожа его лица выделяется на фоне крахмальной белизны постельного белья, его глаза блестят в мерцающем свете свечи.

– Жители Стура клянутся, что их пруд почернел от темной магии, а затем покрылся сиреневым льдом. К тому же распространилась новость о том письме из Ставина...

– На которое до сих пор всем было наплевать, – перебиваю его я. – Даже Хансен считал, что Гораник – Горан – это всего-навсего разжигатель войны, ищущий предлог, чтобы вторгнуться к нам. Но сейчас все изменилось. Люди боятся.

Кэл вздыхает, гладит меня по волосам. Его прикосновение успокаивает меня, и я едва удерживаюсь от того, чтобы закрыть глаза.

– Страх заразителен, – говорит он, – особенно когда речь идет об афразианцах. Но нам надо узнать больше. Возможно, рассказы о действиях монахов все же преувеличены.

– Скажи это освиставшим меня в той деревне. Быть может, Хансен в кои-то веки прав и нельзя доверять Горанику. Ставин никогда не стеснялся развязывать конфликты и пользовался любым случаем, чтобы расширить свои границы.

– Часть проблемы, – говорит Кэл, тщательно выбирая слова, – заключается в том, что это произошло в Монтрисе, а не в Реновии. Это напоминает всем, что ты реновианка.

Я прижимаюсь к нему, пытаюсь напиться его силой.

– Но с какой стати мне совершать такую жестокость, а по-

том оставлять такой явный знак?

– Никто из тех, кто тебя знает, никогда бы в это не поверил, – замечает Кэл.

– Но они меня не знают, совершенно не знают, – в отчаянии восклицаю я. Мне вдруг приходит в голову, что мое положение здесь так же неустойчиво, как и мой брак.

– Я ни за что не допущу, чтобы с тобой что-то произошло, – отвечает Кэл, не сводя с меня глаз. Он обнимает меня, и я чувствую, как замедляется биение его сердца.

– Монтрисанцы ассоциируют афразианцев и их темную магию с Реновией, – говорю я. – И, думаю, это понятно. Основатель их ордена, король Фраз, жил в Реновии, и наше королевство так и не смогло ни разгромить, ни сдержать его последователей. И вот теперь я, реновианка, – новая жена короля Монтриса.

Кэл морщится – он часто это делает, когда речь заходит о моем браке и моем муже. Он предпочел бы сбежать вместе со мной, лишь бы я не вышла замуж за другого. Наша с ним тайная связь, та наша жизнь, которую мы скрываем от всех, тяжела для него. Это я попросила его принести эту жертву, но и у меня кошки скребут на сердце. Однако сейчас мы должны отодвинуть наши чувства в сторону. Я прочищаю горло.

– Стало быть, я злая королева, – тихо говорю я. – Они считают, что я заодно с афразианцами. Но почему?

– Владея афразианской магией, – объясняет Кэл, – ты на-

сылаешь бедствия на Ставин, желая ослабить его до такой степени, чтобы его можно было захватить. Затем ты подрываешь силу Монтриса, развязав магический террор. Надо полагать, следующей твоей целью станет Аргония, чтобы все земли покорились Реновии и ее королеве из династии Деллафиоре. И империя Авантин будет возрождена.

– Да здравствует Авантин, – с горечью говорю я.

– Да здравствует королева, – отзывается Кэл, подняв бровь. Я понимаю, что он поддразнивает меня, пытается заставить меня относиться к этой нелепой теории спокойнее. К этому плану, который никогда бы не мог прийти мне в голову. Я никогда не хотела быть принцессой, что уж говорить о королеве. Это план моей матери, ее желание, а не мое.

– Еще. Только на прошлой неделе они любили нас, – говорю я, высвободившись из его объятий. – Хансена и меня. Они все хотели, чтобы мы посетили их усадьбы, их деревни, их праздники урожая. Они кланялись, уверяли нас в своей верности. Как же быстро все изменилось.

– Официально два королевства объединились, – замечает Кэл, – но здешние жители все равно относятся к Реновии с подозрением. Все в нынешнем положении вещей ново для них. Монтрисианским королевам полагается быть консортами, а не править совместно с королями.

– Я с таким же успехом могла бы быть всего лишь консортом, – отвечаю я, не в силах преодолеть свое мрачное настроение. – Никто при здешнем дворе не слушает меня. А

дома моей матушке, похоже, не нужна моя помощь.

– Ты никогда не будешь консортом. – Лицо Кэла смягчается, когда он улыбается мне. – Ты прирожденная предводительница. И неистовая реновианка. Поэтому-то они тебя и боятся.

Он прав. Когда им кажется, что я их не слышу, придворные Хансена говорят о Реновии как о прибежище диких зверей, преступников и самой темной магии. Скорее всего, они и меня считают наполовину дикаркой.

– У них хорошая память в том, что касается старых сплетен о том, что члены королевской семьи Реновии будто бы отравляли друг друга, – говорю я Кэлу. – Но плохая, когда надо вспомнить, чем мой отец – и твой тоже – пожертвовал, пытаясь сломить могущество афразианцев.

– Людям свойственно запоминать и повторять только самые скверные слухи, – отвечает он. – Если они верят, что твой отец отравил своего брата, они поверят худшему и о его дочери.

– Особенно если речь идет о сиреневом пруде, полном мертвых детей, – соглашаюсь я, содрогнувшись. Одним нечеловечески жестоким ударом все деревенские дети были умерщвлены. Естественно, что они возненавидели меня. Сейчас я и сама ненавижу себя за то, что не смогла это предотвратить. Я должна была защитить их. Должна была прислушаться к рассказам о том, что творится в приграничье, должна была предупредить их. Ведь они и мои поддан-

ные. Возможно, это моя вина, что они оказались под ударом.

Кэл кладет свою теплую ладонь мне на спину.

– Это ведь было послание, не так ли?

– Но не от меня.

– Да, не от тебя, а тебе. И о тебе.

Я понимаю, о чем он.

– Они хотят, чтобы люди винили в случившемся меня. Думаю, Хансен уже винит меня, хотя этого и не говорит.

– Какое тебе дело до того, что думает Хансен? – в тоне Кэла звучит раздражение.

– Он как-никак мой муж и король Монтриса.

– Только номинально, по крайней мере так говоришь ты. –

Кэл хмурится и отстраняется от меня.

– Кэл, нам необходимо, чтобы он был на нашей стороне.

– На нашей стороне? – теперь уже в тоне Кэла слышится горечь. – Ты только что сказала: «Только на прошлой неделе они любили нас». Значит, ты объединяешь тебя не со мной, а с ним. На чьей ты стороне, Тень? Я хочу сказать, Сирень. Ее Величество Королева Сирень.

Я поворачиваюсь к нему, обеспокоенная.

– Мне *приходится* быть на стороне Хансена, – говорю я. – Он мог бы стать нам ценным союзником, если мы позволим ему.

– Ты опять говоришь о нас?

– Да, о нас. О тебе и обо мне.

– А разве мы вместе? – рычит Кэл.

– Я понимаю, что ситуацию нельзя назвать идеальной.

– Да уж куда ей до идеала, – резко бросает он.

– Но это единственный путь, только так мы можем быть вместе, – напоминаю я ему. – Если ты больше не хочешь...

Кэл вздыхает и смотрит на стену.

– Я хочу тебя, – тихо говорит он. – Я всегда хотел тебя.

Я беру его руку в свою.

– Я твоя. Здесь. Сейчас. Есть только ты и я.

Он высвобождает свою руку.

– Как бы я хотел, чтобы это было правдой. – Он ложится опять, усталый, и уставляется на красный балдахин кровати. Я ложусь рядом с ним. Мы вместе, но что-то нас разделяет. Мучительное недоверие, которое никуда не уходит, что бы я ни говорила.

– Мы не можем вернуться к тому, что было у нас прежде, – почти шепчу я. – Но можем использовать по максимуму то, что у нас есть сейчас.

Кэл ничего не говорит. Я целую его в щеку, затем еще, еще. Поначалу он просто лежит, не отвечая мне. Но я не унимаюсь, и наконец он поворачивается ко мне, и, когда его губы встречаются с моими, страстно, настойчиво, мы забываем про наш спор.

Глава 3

Сирень

Понутру, когда я просыпаюсь, Кэла уже нет рядом. Когда входят мои фрейлины, чтобы раздвинуть парчовые занавески кровати и открыть ставни, мне кажется, что минувшую ночь я опять провела одна. Ключ от Секрета Королевы снова лежит в тайнике, и нет никаких следов того, что здесь побывал Кэл. Это и приносит мне облегчение, и вызывает печаль.

Я выпиваю немного имбирного чая, принесенного моими фрейлинами, и съедаю кусочек поджаренного хлеба. Кажется, у меня уходит все больше и больше времени на то, чтобы причесать волосы и выбрать парик на предстоящий день. Мои фрейлины к тому же еще и помогают мне одеваться, требуются усилия по меньшей мере двух из них, чтобы поднять над моей головой украшенное богатой вышивкой платье – для этого времени года шерстяное, отороченное мехом норки – и надеть его поверх моей полотняной сорочки. Я тоскую по тому времени, когда мне достаточно было по-быстрому натянуть простое платье и выбежать вон. Или одеться как ассасин – ремеслу ассасина меня обучали мои тетушки, – чтобы затем вскочить на коня или схватиться с врагом.

Мне уже не хватает Кэла. Я никогда не знаю, когда увижу его снова. Как же мне хочется в один прекрасный день

проснуться рядом с тем, кого я люблю, и чтобы ему не надо было уходить на рассвете, дабы избежать разоблачения.

– Возможно, ваше величество предпочло бы попить не просто имбирного чаю, а имбирного чаю с медом?

– Или, быть может...

– Нет, больше ничего. – Я отрицательно машу рукой.

Во дворе замка далеко внизу под моим окном продолжается суматоха, слышатся крики. Выглянув, я с удивлением вижу, что по двору маршируют туда-сюда солдаты, по большей части совсем молодые.

– Что это? – спрашиваю я леди Маргариту. Она сублильна, у нее светлые волосы и неизменно озабоченное лицо – она определенно не самая пригожая из моих фрейлин. Но, хотя она среди них самая молодая, она превосходит всех остальных ловкостью и умом. И, судя по всему, она всегда куда лучше их знает, что происходит в других частях замка.

– Ваше величество, – говорит она, – насколько мне известно, наши военные сейчас готовятся к тому, чтобы отправиться на север. На границу со Ставином, а также в наши собственные северные земли, где...

Она замолкает, и я киваю. В моем присутствии все предпочитают не говорить о том, что случилось в Стуре.

– Они кажутся такими юными, – замечаю я. Большинство новобранцев похожи на сельских парней, которых оторвали от сбора урожая. У них румяные лица и широкие плечи, и наверняка они куда лучше орудуют вилами, чем мечом.

– Чтобы выдвинуться и к границе Ставина, и на север, нужно много солдат, – говорит леди Маргарита.

– Да и здесь, разумеется, надо держать немалые силы для охраны ваших величеств, – замечает другая фрейлина. – Не так ли?

Хотя эта фрейлина вечно изрекает банальности, в данном случае она совершенно права. Я больше не могу сидеть в четырех стенах. На дворе солнечно, хотя и холодно, поскольку сейчас поздняя осень. К тому же кто знает, как скоро придет зима и ляжет снег?

– Дамы, – говорю я, – я решила, что мне нужен свежий воздух.

– Вы желаете прогуляться по двору? – с тревогой спрашивает леди Маргарита.

– Скажите мастеру Гильдии Очага, что нынче утром я хочу потренироваться, – поправляю я ее. – Пожалуйста, передайте это ассасинам и скажите, что скоро я буду готова.

– Но во дворе так много народу, – возражает одна из других дам. – Там столько деревенщин. Вы же не хотите выставить себя на их обозрение.

Вообще-то да, хочу. Но моим фрейлинам я этого не скажу. Будет совсем неплохо, если жители Монта – по крайней мере те из них, кто служит в замке, – увидят меня в деле и запомнят, что я не просто украшение двора их короля, которое досталось ему от Реновии. Я обученный член Гильдии Очага, и любой, кто захочет причинить мне вред, будет иметь дело

с бойцом, а не с избалованной, ничего не умеющей девицей. В Гильдии мы учимся драться, идти по следу и вообще вертеться, а также понимать мир природы, его ритмы, подсказки. Если ты состоишь в Гильдии, то тебе следует оставаться в хорошей форме как умственно, так и физически. Я не стану сидеть без дела в этом замке, пока в королевстве действует темная магия и пока в этот водоворот зла пытаются втянуть и меня.

Пока одна фрейлина спешит на поиски спарринг-партнера из Гильдии, с которым я бы смогла потренироваться, остальные снимают с меня платье и приносят мне другую одежду из дубового сундука под окном. Как же приятно освободиться от этих дурацких ярдов вышитой шерсти и облачиться в кожаные легинсы и тунику. Мои фрейлины надевают на мои предплечья кожаные щитки и помогают мне зашнуровать мои любимые ботинки из оленьей кожи. Я заранее испытываю удовольствие от того, что окажусь на свежем воздухе и смогу свободно двигаться.

– Вы уверены? – повторяют мои фрейлины опять и опять. Они имеют в виду вот что: уверены ли вы, что хотите появиться на людях, одетая как боец, а не как королева? Как я могу им объяснить, что я чувствую себя живой только тогда, когда не веду себя как королева?

Есть столько всего, что я не могу им сказать. Они мне не подруги и даже не союзницы. И я подозреваю, что по меньшей мере одна из них за деньги передает сведения обо мне

герцогу Овиню.

– А что, если к вам пожалует его величество? – спрашивает леди Маргарита, достав из сундука мой колет. Это не настоящий вопрос. Она просто пытается придумать, что сказать Хансену.

– Король отлично знает, что во второй половине дня я всегда тренируюсь с членом Гильдии. Он будет доволен, что я дышу свежим воздухом, а не сижу здесь, в четырех стенах, как какая-нибудь размазня.

На самом деле я точно знаю, что Хансен не пожалует ко мне. У него достаточно развлечений в его собственных покоях. И, если я буду торчать здесь, мое воспаленное воображение начнет рисовать мне такие сценарии, которые совсем не помогут делу. Что сейчас поют в уши Хансену – и кто это делает? Верит ли он истории о сиреневом пруде в Стуре? Что, если его уговорят отвергнуть меня и аннулировать наш брак? Это могло бы ввергнуть наши страны в войну. Но что, если он решит, что у него нет выбора, поскольку Ставин грозит ему вторжением, если он не покончит с темными силами и не избавится от меня? Монтрису может угрожать война, если он не откажется от меня и от этого нашего бутфорского брака.

Возвращается запыхавшаяся фрейлина и сообщает, что член Гильдии ожидает меня внизу. Я отмахиваюсь от серо-зеленого плаща, который кто-то пытается завязать у меня на горле.

– Его величество действительно желает, чтобы наша королева была в добром здравии и хорошем расположении духа. Ей предстоит вынашивать и рожать королевских детей, так что она не может быть слабой. Ей нужно быть здоровой и крепкой.

Королевских детей. Если я буду честной с самой собой, то с момента моей помолвки с Хансеном именно этого я боюсь больше всего. И я не могу обсуждать это с Кэлом, хотя он прекрасно понимает, что престолу нужен наследник. Что, если Хансен будет настаивать на том, чтобы сделать наш брак настоящим? Я не смогу ему отказать, как бы мне этого ни хотелось.

Я замужем за королем Монтриса – и все же я предпочла следовать зову своего сердца. О Кэл. Наш с тобой путь никогда не был прямым, а с течением времени все становится только сложнее. Мне надо выйти и потренироваться. Это пойдет мне на пользу.

* * *

Внизу шумно, и этот шум бодрит – продолжается подготовка новобранцев, подручные конюха заводят лошадей к кузнецам и выводят их оттуда уже подкованных, на восточном конце двора в боях на мечах упражняются гвардейцы. Так-то лучше. Хотя королеву и окружают гвардейцы, здесь я могу поупражняться. К тому же в этом наряде я не привле-

каю к себе особого внимания. Сейчас я не похожа на королеву. Собственно говоря, я выгляжу примерно так же, как мой сегодняшний спарринг-партнер из Гильдии, молодая девушка, стройная и напряженная, словно дикая кошка. Она подсакивает на месте и, вместо того чтобы сделать реверанс, отвешивает мне низкий и неуклюжий поклон.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я. На вид ей не больше семнадцати лет, у нее густые рыжие волосы, связанные сзади в хвост, и лицо в форме сердечка.

– Рима, ваше величество, – отвечает она. У нее темные глаза, и мне нравится их блеск. Она пришла сюда, готовая драться, и она явно не боится работать с королевой.

– Ты здесь новенькая?

– Я служу здесь третью неделю, сударыня. Я подмастерье ассасина и приехала с гор.

– Я давно не практиковалась, – говорю я ей, вертя в руках дубинку, чтобы согреть их. Странно, что Кэл никогда не упоминал, что среди его новых ассасинов есть девушка. Он подробно рассказывал мне о том, как он обучает их и что нескольких наименее способных отправил восвояси. Но ничего не сказал о рыжеволосой девушке с гор.

– Вы хотите, чтобы я была с вами помягче, сударыня? – Ее тон нейтрален, но на лице ее я читаю презрение. Она напоминает мне меня прежнюю, напоминает мне Тень. Я бы тоже сочла высокородную даму, такую как королева Сирень, дилетанткой, слишком изнеженной, чтобы быть настоящим

бойцом.

– Нет, – отвечаю я, стараясь не сорваться. Я всего на два года старше ее! Я все еще верчу в руках дубинку, когда она нападает на меня, высоко подскочив. Я так впечатлена высотой ее прыжка, что не успеваю заблокировать ее с помощью дубинки – и в итоге падаю на задницу на холодные булыжники, которыми вымощен двор.

– Извините, – говорит она и хватает мою руку, чтобы помочь мне подняться. Другой рукой я сжимаю дубинку и в мгновение ока укладываю ее на землю.

Я вскакиваю, стряхиваю с ладоней песок и солому. Рима ухмыляется.

– Неплохо, – замечает она, и мы снова сходимся в поединке. Должна признаться, что она на редкость проворна и у нее отличные боевые навыки. Она ловчее, чем в лучшее мое время была я, но мое острое чутье всегда позволяло мне предугадывать действия моих противников. – *Тут главное не сила, а воображение*, – бывало, говорили мне мои тетушки. Чтобы хорошо драться, надо полагаться на свои чутье и крепкие нервы.

Где-то недалеко я слышу знакомый голос. Кэл муштрует в этом дворе новобранцев, зычно выкрикивая команды. Услышав его, я на мгновение теряю концентрацию, и Рима, заломив одну руку мне за спину, дышит мне в затылок. Я чувствую себя странно, встречаясь с ним на людях, когда нам приходится вести себя осторожно и когда я бываю вынуж-

дена напоминать себе, что мне нельзя ни улыбаться ему, ни даже смотреть на него дольше, чем положено.

– Продолжаем, сударыня? – Рима, полная энергии, опускается на корточки, готовая броситься на меня, но я вскидываю руку, делая ей знак подождать.

– Постой, дай мне минутку, – говорю я, делая вид, что еле перевожу дух. На самом же деле мне просто хочется послушать, как Кэл муштрует неуклюжих новобранцев. Он приказывает им ложиться и вскакивать на ноги опять и опять, и, по-моему, ложатся они слишком медленно, а вскакивание их больше похоже на выползание.

– Шевелитесь! – рявкает он, и я едва удерживаюсь от улыбки. – Если бы это был настоящий бой, каждый из вас сейчас уже валялся бы в канаве, с копьем в кишках и стрелой в глазу.

Каркают кружащие над нами вороны, и новобранцы ворчат под свирепым взглядом Кэла. Как бы мне хотелось поговорить с ним после тренировки, но я не могу просто взять и подойти к нему. Я королева, и меня окружают гвардейцы, обязанные везде следовать за мной. Так что мне остается одно – драться, чтобы выплеснуть бессильную злость, накопившуюся во мне из-за того, что я слишком много времени провела в четырех стенах.

– Давай, вперед, – говорю я Риме, и она кидается на меня сразу, еще до того, как я поднимаю дубинку. Но я успеваю вовремя среагировать и бью по ее оружию с такой силой,

что она едва не падает на ближайший стог сена. Мне надо выплеснуть свою бессильную злость и накопившуюся агрессию. Ударяя дубинкой, я бью по Малому Совету, а когда наношу удар ногой в грудь, он на самом деле нацелен на тех, кто распускает лживые слухи обо мне и моей воображаемой темной магии. Как бы мне хотелось, чтобы кто-то из них был сейчас здесь, в замковом дворе, чтобы я могла попрактиковаться на них.

К концу тренировки мое лицо горит, я разгорячена и знаю, что завтра у меня будут ныть руки и ноги. Вот чего мне не хватало – свежего бодрящего воздуха, ветерка на моем лице и возможности без помех бегать и прыгать. Моя новая спарринг-партнерша из Гильдии кланяется и благодарит меня за хорошую тренировку.

– Это было впечатляюще, сударыня, – говорит Рима, и эти слова не кажутся мне лестью, поскольку она тут же добавляет к ним критическое замечание. – Если бы вы работали больше, это улучшило бы вашу реакцию и помогло бы вам увеличить зону досягаемости ваших рук.

– Хорошо, давай устроим еще один поединок через день или два, – отвечаю я до того, как она дает мне очередной полезный совет. Рима кивает. Она тоже покраснелась, чему я рада. Пусть она и в хорошей форме и немного младше меня, но я ей не уступаю.

Новобранцы отдыхают, кто согнувшись в три погибели, кто сидя на корточках. Кэл совещается с одним из офицеров,

показывая на злосчастных рекрутов.

Один из моих гвардейцев протягивает мне флягу, чтобы я могла попить, и я делаю вид, будто устала и мне надо отдохнуть. До вечера, когда я вновь увижу Кэла, ждать так долго. Иногда мне ужасно хочется поговорить с ним днем, посидеть с ним за одним столом. Просто побыть рядом, а не ждать, когда мои фрейлины удалятся, а сама я буду уже полусонная.

Рима идет в сторону конюшни, расшнуровывая кожаные щитки на предплечьях. Затем на мгновение останавливается и смотрит на Кэла. Она улыбается ему, и он улыбается в ответ. Это длится недолго, но выводит меня из равновесия. Улыбка Кэла широка и искренна. Похоже, он уважает Риму. Похоже, она нравится ему.

Тогда почему же он никогда не говорил мне о ней?

Рима подходит к Кэлу и хлопает его по плечу. Теперь они не только улыбаются, но и подаются друг к другу, разговаривая, как и положено коллегам. Но мое сердце начинает биться чаще, к горлу подступает желчь. Она может касаться Кэла на людях, а я не могу. Меня пронзает ревность. Она так молода, так хороша собой и наверняка напоминает ему меня, когда мы с ним познакомились. Когда мы влюбились друг в друга.

– Мы возвращаемся! – рявкаю я, обращаясь к моим гвардейцам, и решительно иду к двери главной башни замка. Их улыбки для меня словно красные тучи, застывшие свет этого ясного дня.

Глава 4

Кэледон

Кэл знал, что Сирень рядом, в замковом дворе, но не видел ее. Он узнал о том, что она здесь, когда ее гвардейцы окружили свою королеву, чтобы заслонить ее от взглядов солдат. Во дворе стоял такой шум, что он не слышал даже стука дубинок, когда Сирень сошлась в поединке с одним из подмастерьев Гильдии Очага. Он мог слышать только одно – пыхтение этой жалкой кучки рекрутов, деревенских парней, недовольных тем, что их оторвали от сбора урожая. Большинство напуганы перспективой отправки на север. И слухи о произошедшем в Стуре с каждым днем становятся все нелепее.

Только сегодня утром Кэл услышал, как один юнец рассказывает другому, что, когда в Стуре ударила молния, на небе появилось лицо королевы – и ее рот был искривлен, как будто она хихикала, как это делают ведьмы. Он выволок этого болвана из шеренги и отдал его капитану гвардейцев для наказания. Сплетни – это одно дело, а крамола – совсем другое.

Сегодня спарринг-партнершей Сирени стала Рима, которую Кэл взял на службу недавно. Он понял это, только когда увидел, что Рима идет прочь от круга гвардейцев королевы, красная и явно довольная собой. Она смышленная девушка,

и больше всего ей нравится драться. Кэлу по душе ее трудолюбие, и он ценит ее как бойца. И она всегда уважительно ведет себя с Джендером. Другие подмастерья ассасинов преисполнены сознания собственной важности и смотрят на тихого, кроткого Джендера как на всего-навсего обыкновенного мальчика-конюха. Они ничего не ведают о его прошлом, о том, как много он знает. И понятия не имеют о том, сколько всего он перевидал и пережил.

Им ничего не известно о том проклятии, которое наложил на него король Фраз, проклятии, которое обрекло Джендера на вечную жизнь в теле обыкновенного с виду пацана.

На мгновение толпа во дворе редет, и Кэл видит, как Сирень заходит в донжон замка, окруженная личной охраной. Возможно, она не видела его. Ведь здесь, в этом дворе, царит такой хаос – тут проходит строевая подготовка, слышатся крики. Новобранцы спрыгивают со стен в стога сена, учась правильно падать. Какой-то олух ухитрился всадить стрелу в плечо одного из офицеров, и теперь из той части двора доносится такой гвалт, словно по полю несется обезумевшее стадо.

Не обращая внимания на весь этот гам, по двору идет Главный Писец, бледный пухлый старик, и кормит ворон льяным семенем. Птицы подлетают к нему, желая получить корм, они спускаются со стен, с узкого карниза окошка часовни. Полы синего одеяния писца метут грязные булыжники мостовой, на его поясе висит мешочек с семенами, укра-

шенный вышивкой в виде перьев. Почему он кормит птиц сейчас, а не тогда, когда во дворе меньше народу?

Писца зовут Даффран, и он живет в этом замке всю свою жизнь. Кэл видит его на заседаниях Малого Совета, когда он записывает речи собравшихся, или во дворе, когда он кормит птиц. Остальную часть времени Даффран проводит в своей маленькой, имеющей высокие потолки библиотеке в башне, работая над летописью Монтриса.

Сейчас он, шаркая, подходит к Кэлу с нерешительной улыбкой на лице.

– Доброе утро, – Кэл кивает ему.

– Доброе утро, Холт, – дрожащим голосом говорит Главный Писец, затем прочищает горло. – Не могли бы вы уделить минутку для разговора со мной?

– Что-то не так, сэр? – спрашивает Кэл.

Даффран редко заговаривает с ним, и он всегда думал, что писец немного побаивается ассасинов.

– Возможно. Не могли бы мы поговорить наедине?

– Да, конечно. Пойдемте.

Кэл, радуясь возможности хотя бы ненадолго оставить своих жалких, тупых рекрутов, идет вместе с Даффраном к высокой каменной башне, соединенной с донжоном крытой галереей. На нижнем этаже этой башни находятся часовня, которую Сирень посещает раз в несколько дней, и ризница, где читает свои книги здешний священник, отец Юнипер. Библиотека писцов находится двумя этажами выше. Моло-

дые ассасины называют эту башню Приютом Старичья, потому что здесь живут и работают только старики. Даже у младших писцов здесь волосы либо совершенно седые, либо отсутствуют.

Около двери Даффран останавливается, словно передумав входить. Кэл озадачен. Что такого важного могло произойти, что писец отозвал его в сторону? Или же дело в том, что муштра новобранцев мешает обеду птиц?

– Я тут подумал, – тихо говорит писец, – что нам, возможно, лучше обсудить все здесь, где никто не может подойти к нам слишком близко и где так шумно, что наши слова совершенно точно не достигнут ушей тех, для кого они не предназначены.

– Хорошо, – соглашается Кэл, заинтригованный еще больше. – Значит, вы не хотите входить в башню?

Даффран качает головой, переводя свои водянистые голубые глаза то на башню, то на двор.

– Боюсь, у стен есть уши, – шепчет он, стоя так близко, что Кэл ощущает исходящий от него запах льняного семени и пчелиного воска. – И я не доверяю ни единой живой душе, кроме вас, Главный Ассасин.

– Это как-то связано с историями о том, что произошло в Стуре... – начинает Кэл, но Даффран опять качает головой.

– Нет, это касается того, что происходит здесь, в Монте, в этих самых стенах. – Его шепот едва различим, и Кэлу приходится наклониться, чтобы расслышать его. – Я видел кое-

какие вещи.

– Что вы видели?

– Мужскую фигуру.

– Одну? – Кэл надеется, что это не будет похоже на рассказ о лице Сирени, будто бы показавшемся на небе. Он сыт по горло олухами, которым чудится, будто они что-то узрели в очертаниях облаков или вспышках молний.

– Да, я видел мужчину в капюшоне и темно-серых одеждах. Я заметил его на лестнице возле моей библиотеки, когда оставил дверь открытой. Это случилось вчера вечером, когда я ждал, чтобы мне принесли мой ужин, который я всегда ем в одиночестве. И немного вина, которое помогает мне расслабиться после того, как я долго пишу.

– И кто был этот мужчина?

– Я видел его лишь мельком, когда он прошел мимо моей двери. Я не смог разглядеть его лица, так что не знаю, была ли на нем черная маска, какие носят афразианцы. Но мне показалось, что он один из этих темных злокозненных монахов. Он появился и тут же исчез.

– Темный монах? – теперь Кэл и сам понизил голос до шепота. – Но вы же не видели его лица. Вы уверены, что это был не просто кто-то из других обитателей башни? Скажем, отец Юнипер.

– Отец Юнипер носит белое облачение, – отвечает Даф-фран. – А мои младшие писцы одеты в синее, как и я сам. Ни у кого из нас нет темных одежд или темных плащей.

– А это не мог быть слуга, разносящий еду?

– В замке запрещено облачаться в серые одежды, – шипит Даффран. – Ведь это цвет афразианцев. Прошу прощения за мой тон, Холт. Вы тут человек новый и не знаете наших обычаев. Ни один из слуг короля Монтриса не может носить серый или черный плащ. Правда, некоторые дамы могут одеваться в черные платья, если им того хочется. Насколько я понимаю, нынче это модно, хотя самому мне это и не по душе. Но кто я такой, чтобы критиковать кого-то из приближенных короля, – прошу вас, не воспринимайте это как хулу.

Он продолжает кипятиться, и до Кэла доходит, что он толкует о нынешней фаворитке короля, леди Сесилии, которая любит носить черные платья и иногда надевает на балы и прочие увеселения маску, украшенную черными перьями. Кэлу приходится перебить писца, чтобы вернуть его к сути дела.

– А что делали вы сами, когда увидели эту... эту фигуру?

Даффран отвечает не сразу. Может, он просто сидел в своем кресле, дрожа, слишком испуганный, чтобы сдвинуться с места?

– Паж принес мне мой ужин, и я спросил его, не проходил ли кто-то мимо него на лестнице. Он сказал, что нет. После того как он ушел, я запер дверь на засов.

– Вы сказали мне, что видели «кое-какие вещи». Вы имели в виду, что видели нечто подобное не один раз?

– Нынче на рассвете я встал, чтобы покормить птиц. – Го-

лос Даффрана дрожит, похоже, это неподдельный страх. – Но когда я спустился по лестнице, то снова увидел темную фигуру какого-то мужчины, он выходил в эту самую дверь.

Даффран показывает на обитую гвоздями дверь башни.

– Вы последовали за ним? – спрашивает Кэл, но ответ ему уже известен. Даффран опускает голову.

– Мне не хватило на это смелости, Главный Ассасин. Всю свою жизнь я боялся серых монахов и сомневаюсь, что я смог бы победить в противостоянии с одним из них. Я стар. Возможно, я вижу то, чего нет. Не знаю. Но если мне кому-то следовало сообщить об этом, то этот человек – вы. Я знаю, что вы сражались с афразианцами и вышли победителем.

– Благодарю вас, Главный Писец, – говорит Кэл, похлопав Даффрана по сгорбленной спине. Старик явно напуган тем, что он видел – или думает, что видел. – Я поставлю перед входом в башню охрану из гвардейцев, и каждый день на закате и на рассвете они будут тщательно обыскивать ее.

– Я буду признателен вам, спасибо. И вот еще что, Холт.

– Да? – Кэл наклоняется еще ниже, чтобы расслышать шепот старого писца.

– Обещаю вам, что больше я никому не сообщу, что видел, разве что вы сами мне разрешите. Мы могли бы сказать, что гвардейцы охраняют наши чернила и веленевую бумагу от воров. Ведь они, знаете ли, стоят немало.

Кэл соглашается с этим планом и прощается с Главным Писцом, после чего старик неверной походкой возвращается

в башню, и видно, что ему едва хватает сил, чтобы открыть дверь.

Заседание Малого Совета назначено на завтра, и на нем Кэл поднимет эту тему. Лорд Берли очень тревожный и, наверное, захочет, чтобы гвардейцы охраняли каждую дверь, не говоря уже о ночных караулах на всех этажах башни. Герцог Овинь посмеется и постарается уверить всех, что старый писец выжил из ума. Он и раньше грубо нападал на Даффрана, говоря, что тот пишет слишком медленно, и не раз предлагал, чтобы место Главного Писца занял кто-то из младших писцов – такой, который не жалуется на слух и не кряхтит, поднимаясь по лестнице.

Если Малый Совет даст свое согласие, Кэл сообщит о произошедшем капитану гвардейцев и будет проведен тщательный осмотр всего замка. Он представляет собой небольшой город со множеством подземных этажей, подвалов и туннелей, не говоря уже о катакомбах. Если афразианцы проникли в замок Монт, то им есть где скрываться. Но что они могут делать в башне, в которую не ведет никакой подземный ход и которая имеет всего одну дверь с портиком? Здесь их легче всего заметить и разоблачить, не говоря уже о том, что это самое удобное место для того, чтобы кого-то изловить.

Капитан гвардейцев, стоящий на противоположном конце двора, машет рукой. Кэлу пора возвращаться к новобранцам. Первый отряд должен выступить на север через два дня, а между тем ни один из этих новоиспеченных солдат не готов

воевать.

Глава 5

Сирень

В своей опочивальне я швыряю колет и кожаные щитки на пол и приказываю всем моим фрейлинам удалиться, оставив только леди Маргариту. Она опускается на колени, чтобы расшнуровать мои ботинки, но я едва удерживаюсь от того, чтобы лягнуть ее.

– Эта девушка из Гильдии, – говорю я. – Та, с которой я тренировалась нынче. Кто она такая? Вы не могли бы это выяснить?

Маргарита смотрит на меня, широко раскрыв глаза.

– Та девушка с гор? – спрашивает она. – Кажется, ее зовут Рима.

– Это я знаю и без вас, – с раздражением отвечаю я. – Меня интересует другое: почему ее зачислили в ряды ассасинов? Она может быть кем угодно. Возможно, она явилась сюда, чтобы убить меня.

– О нет, ваше величество, что вы! – На лице леди Маргариты написан ужас. – Ее ценят. Я слыхала, что Кэледон Холт лично выбрал ее для службы в своем отряде, в который допускают только избранных.

Я ничего не говорю и просто продолжаю стоять спиной к окну, пока леди Маргарита расшнуровывает мои ботинки и помогает мне снять их. Лучше мне сейчас молчать, чтобы

случайно не сболтнуть лишнего.

– И вот еще что, сударыня, – нерешительно добавляет леди Маргарита. – На рассвете в замок прискакал гонец, привезший какие-то послания, которые немедля отнесли его величеству королю.

– Послания? Откуда? – Возмутительно, что мне приходится узнавать такие новости от моих фрейлин.

– Одно, кажется, пришло из Ставина, сударыня. И еще был привезен отчет из нашего северного края, где произошло это ужасное... ужасное...

– Да, да, – говорю я. – Оставьте меня. Я хочу написать письмо.

Леди Маргарита делает реверанс и выходит.

Возвращаются остальные фрейлины.

– Принесите мне письменные принадлежности, – приказываю я. Фрейлины суетятся, спешат принести мне чернильницу, заострить гусиное перо, развернуть лист веленовой бумаги цвета слоновой кости. Одна из них ставит на стол возле свечи блюдо с душистым сиреневым сургучом, чтобы я могла запечатать им письмо с помощью моего массивного золотого перстня с печаткой. Сидя за письменным столом, я могу смотреть в окно на серые камни замка и его башенки, выделяющиеся на фоне угрюмого зимнего неба. Леди Маргарита стоит рядом, моргая, будто сова.

– Не считите за дерзость, – говорит она, – но позвольте осведомиться: покинет ли ваше письмо стены этого замка

или же оно предназначено его величеству либо одному из ваших советников в Малом Совете?

– Я не понимаю, какое дело может до этого быть вам, леди Маргарита. Все необходимое для письма у меня есть. Когда я закончу, то позову пажа. Ступайте.

– Разумеется, сударыня. – Леди Маргарита делает реверанс. Она опускает голову, глядя в пол, и платок соскальзывает с ее волос и падает на плиты. – Мне есть дело до вас, сударыня. Я очень беспокоюсь за вас.

Потрескивает огонь в камине. Я постукиваю по столу заостренным кончиком пера – словно дятел стучит клювом по стволу дерева.

– Я не понимаю, – говорю я ей и слышу, что мое раздражение прорывается наружу, – какова причина этого беспокойства?

– Я просто забочусь о вашей безопасности, сударыня.

– Что ж, сейчас я просто-напросто собираюсь написать письмо моей матушке, как делаю каждую неделю. Если никто из вас не добавил яду в эти чернила, то я не вижу, как это может угрожать моей безопасности.

– Разумеется. Просто после того... инцидента я боюсь. – Леди Маргарита смотрит на меня. – Я говорю о вашей последней поездке вместе с королем. Я вижу, что не все ваши подданные поддерживают вас, как должно. Мне бы не хотелось, чтобы ваше письмо попало... так сказать, в руки врагов.

– Этим врагам, кем бы они ни были, было бы очень скучно читать это письмо, – говорю я. – Письмо дочери, адресованное своей матери, в котором никаким боком не затрагиваются государственные дела или вообще что-нибудь важное. В отличие, как я полагаю, от того послания, которое было доставлено нынче утром и немедленно отнесено его величеству.

– Ваше величество. – Она, пятясь, выходит из комнаты, едва не наступив на подол своего платья. Я жду, когда за нею захлопнется массивная дверь, затем опять поворачиваюсь к столу и лежащему на нем чистому листку.

Я не могу написать ни слова. Внутри у меня все кипит. Я королева этой страны, но все важные письма читает один Хансен. Если что-то происходит в Ставине, мы это должны обсуждать. И теперь я даже не могу написать письмо без допросов со стороны моих фрейлин относительно его адресата. Что леди Маргарита воображает себе – что я собираюсь написать любовное письмо Главному Ассасину? Кто они такие – эти самые «враги», которые будто бы намерены перехватить мое письмо матушке?

Может быть, она знает больше, чем говорит? Может быть, я зря не принимаю всерьез тех, кто в Монтрисе выступает против меня? Надо писать осторожно. Тщательно подбирая слова и помня, что все, что я напишу моей матушке, может быть перехвачено и прочитано – и истолковано против меня.

Это так досадно. Я пишу моей матушке каждую неделю в один и тот же день, но сейчас я чувствую, что не могу

написать ни единого слова. Однако матушка будет ожидать весточки от меня, так что мешкать я не могу. Гонцу будет нелегко добраться до нее, ведь в Реновии полным-полно глубоких лощин, вересковых пустошей, окутанных туманом, и сырых оврагов. Даже опытные путешественники порой теряются и блуждают в этих занимающих многие и многие мили густых зарослях и березовых лесах.

Я окунаю перо в черные чернила и начинаю писать – собственно говоря, в моем письме не будет ничего, кроме пустой болтовни. Даже если бы я не опасалась, что мое письмо перехватят, я бы все равно не захотела рассказать матушке о той моей поездке с Хансеном, когда монтрисианцы выразили мне свою неприязнь. Я бы не стала сообщать ей, что жители той деревни кричали мне: «Фу-у!» – и смотрели на меня с ужасом и отвращением, как будто я злая ведьма. Не стану я и поверять бумаге историю о сиреневом льде в Стуре – много чести. Вряд ли это правда, а если это действительно так, это говорит о том, что была использована черная магия, а не о том, что к этому злодеянию причастна я. Если это письмо будет перехвачено или оно попадет не в те руки, ничто в нем не должно свидетельствовать о том, что я боюсь.

Поэтому я пишу матушке о новых мраморных плитах на полу нашей часовни и шумной подготовке новобранцев в замковом дворе под моими окнами. Король, сообщая я ей, находится в добром здравии, как всегда. Полагаю, так оно и есть, поскольку я бы наверняка услышала, если бы его пора-

зила какая-нибудь хворь, ведь леди Маргарите, несомненно, хорошо известны все сплетни.

За моими окнами каркает ворона, и, хотя я закутана в шаль из тонкой аргонианской шерсти, меня пробирает дрожь. Солнце светит еле-еле, и, похоже, от дневного тепла скоро не останется и следа. В этом замке, в теснящемся среди скал городе Монте есть что-то от тюрьмы. Когда осенью на юг улетаются певчие птицы, здесь остаются только мрачные черно-серые вороны. Они садятся на мои оконные карнизы и пристально смотрят на меня глазами, похожими на бусинки, как будто они мои тюремщики. Их карканье действует мне на нервы. В иные дни складывается впечатление, будто ворон в замке больше, чем солдат, патрулирующих его стены, или крыс, бегающих по его подвалам. Меня так и подмывает снять со стены мой лук и расстрелять этих ворон. Никто здесь не станет по ним скучать.

А я и сейчас никогда не промахиваюсь.

Я пишу письмо, и это напоминает мне о том, как мне недостает моей матушки и ее мудрых советов. Я спрашиваю ее о моих тетушках, Мории и Меше. Я доверяю их мудрости и чутью больше, чем мудрости и чутью кого бы то ни было еще – даже Кэла. Они знают мир Деи, нашей великой древней богини, и с детства учили меня вести себя чутко и осторожно в мире дикой природы – в лесах, на реках, в горных пещерах, на верхушках деревьев и в зарослях кустарника. *Смотри, смотри и смотри опять,* – повторяла мне Мория. –

А затем закрой глаза и слушай.

Если бы только мы могли вместе поехать на север Монтриса, чтобы расследовать то, что произошло, и поговорить с тамошними жителями. Думаю, наилучший способ покончить с недоверием ко мне — это встретиться с людьми лицом к лицу и показать им, что я не чудовище.

Мои тетушки воспитывали меня так, чтобы я могла играть роль члена Гильдии Очага, а не была пустой избалованной бездельницей. Они учили меня сражаться и уважать силу магии, а также исходящую от нее опасность. Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь в том, что нам необходимо отправиться на север, побывать в том месте, где магия надругалась над природой и принесла ужасные страдания жителям. Но как я могу доверить это бумаге?

Двери моей опочивальни распахиваются, и я вскакиваю со своего кресла, держа перо как нож. Если придется, я смогу выколоть глаз его кончиком, острым, как игла.

Передо мной стоит мужчина, он испуган, и у него сперло дыхание от того, что я держу у его горла оружие.

Это Хансен — мой муж-король.

Глава 6

Сирень

– Опусть эту штуку! – Красивое лицо Хансена побледнело, и его испуг явно сменился раздражением. Пажи закрывают за ним дверь, и мы остаемся одни. – Я не собираюсь нападать на тебя.

– Тогда не мог бы ты стучать, как нормальный человек? – Я бросаю перо на стол.

– Я не нормальный человек. Я король.

– А я королева, если ты забыл.

– Да, кстати об этом. – Хансен начинает ходить туда-сюда перед огнем. Для такого спортсмена – человека, который бывает по-настоящему счастливым только тогда, когда участвует в псовой охоте или в рыцарском турнире, – он одевается чертовски вычурно и претенциозно. Кружев в его гардеробе будет побольше, чем в гардеробах всех придворных дам, вместе взятых. Сегодня его длинное одеяние не только отделано горностаем, но и расшито золотой нитью. Думаю, на одевание он тратит куда больше времени, чем я.

– Итак, – говорит он.

– Что? Что-то не так?

Хансен никогда не приходит в мои покои. Кажется, в прошлый раз он явился сюда только затем, чтобы в шутку прицельно бросить из окна тушку мертвого голубя или белки в

одного из своих идиотов-придворных. Просто умора.

– Я не говорил, что что-то не так. – Хансен перестает ходить туда-сюда и останавливается, уперев руки в бока и перекрыв своим телом приток тепла от горящего в камине огня. Его светлая кожа покраснела то ли от жара, то ли от смущения. – Но мы должны кое-что сделать.

– Поехать на север? – спрашиваю я чересчур быстро. Возможно, там с нами могли бы встретиться мои тетушки. Кажется, в кои-то веки Хансен прочел мои мысли.

– Поехать – что? Нет. Нам надо остаться здесь. Неужели ты не помнишь, что произошло только что, когда мы отъехали совсем недалеко от городских стен? Люди ненавидят нас. Когда мы поженились, они нас любили, а теперь обратились против нас.

– По-моему, это преувеличение.

– Ты так думаешь? – Хансен качает головой, и на лице его отражается скептицизм. – У тебя короткая память. Вся эта история, произошедшая на нашем севере, в этой отдаленной деревне, название которой я забыл...

– Стур.

– Точно. До прошлой недели я никогда его не слышал. Я говорю обо всей этой истории с черной водой и прудом, погибшими детьми и сиреневым льдом, или что это там было.

– Мы не знаем, правдивы ли слухи о сиреновом льде, – говорю я и невольно морщусь.

– Правда это или нет, об этом говорят все. Все. Нынче

утром пришло письмо от нашего посла в Аргонии, и ему уже об этом известно.

Теперь я хожу туда-сюда перед окном, пытаюсь успокоиться.

– Мне тоже нужно увидеть это письмо. Я такая же хозяйка, как и ты. Пора бы уже послам Монтриса – да и всему двору – понять это и перестать обращаться со мной как с королевой-консортом.

– В этом-то и дело. – Хансен подходит ближе. – Вот вопрос, который нам надо решить. И я говорю это не только потому, что герцог Овинь сказал мне это сделать.

Я закатываю глаза. Совершенно ясно, что именно герцог сказал Хансену прийти ко мне и произнести эту бессвязную речь.

– Ты можешь сердиться, сколько хочешь, Сирень, но мы должны смотреть в глаза фактам. Наш брак принес нам популярность, объединил наши королевства и обеспечил приток золота в казну, что было хорошо. Ты и я согласились... ну, в общем мы согласились, что за закрытыми дверями каждый из нас будет вести свою собственную жизнь, а на людях мы должны притворяться. Улыбаться, приветственно махать руками и все такое прочее. И это работало. Но сейчас это перестало работать. Мы должны положить конец всем этим разговорам о тебе.

– Не за этим ли во дворе муштруют солдат? – спрашиваю я и взмахом руки показываю на окна.

Хансен кривится.

– Солдатам не под силу убить мнение или слухи. К тому же мне докладывали, что эти парни вообще ни на что не годны. На севере они будут сразу же уничтожены черным снегом, или черной водой, или о чем там еще шла речь. Один удар молнии – и им всем конец. Но даже десять армий не смогут поменять мнение людей о том, что ты на стороне афризianцев.

Мне неприятно это признать, но Хансен прав. Я берусь одной рукой за открытую ставню, чтобы было за что держаться, когда он скажет мне то, за чем явился сюда.

– Нас хочет видеть Малый Совет, – говорит он.

– С каких это пор тебе стало не все равно, чего хочет Малый Совет? – резко спрашиваю я. Хансен почти никогда не дает себе труда посещать заседания, так что обычно я являюсь на них одна. Но сейчас он, похоже, задет.

– Что бы ты там ни думала, мне не все равно, что творится. Я умею прислушиваться к разуму. Всю свою жизнь я живу либо в Монте, либо в моей летней резиденции в горах. И, где бы я ни бывал – и в наших городах, и в деревнях, и в хижинах пастухов и рыбаков, и в усадьбах знати, словом, везде, – меня любили. Все любили меня. Всегда.

Я ему верю. Он красивый молодой человек и наверняка и в отрочестве был хорош собой. Он был наследным принцем, затем молодым королем, к тому же при всей его скучной предсказуемости и одержимости собаками и охотой в Хансе-

не нет ни капли жестокости.

Он опять принялся ходить взад-вперед, вертя на пальце одно из своих вычурных колец.

– А теперь, когда мы выезжаем вместе, ко мне относятся с ненавистью. – Он качает головой, как будто не может в это поверить.

– Они ненавидят не тебя, а меня, – говорю я.

– Полагаю, так оно и есть, – задумчиво отвечает он. – Они считают, что ты даешь прибежище афразианцам в этой своей сырой загадочной стране.

– Но это же неправда! – протестую я.

– Не важно, правда это или нет. И мы это знаем. И вот еще что – все это время наш брак оставался ненастоящим. Именно поэтому герцог Овинь и говорит – и я с этим согласен, – что пришло время поставить на первое место интересы королевства.

– Не королевства, а королевств, – не удержавшись, поправляю его я. Я еще никогда не слышала, чтобы Хансен говорил вот так. Обычно он заявляет, что герцог Овинь – зануда. И это самый долгий разговор, который мы когда-либо вели.

– Вот именно. У нас есть долг перед нашими объединенными королевствами, как неприятно это бы ни было. Для нас.

Я не могу говорить. Я не хочу, чтобы Хансен произнес хотя бы еще одно слово, не хочу слышать то, что он хочет

сказать, потому что это то, чего я всегда боялась. Однако я знаю, что он должен это сказать.

– Сирень, мне, как и тебе, жаль, что дело дошло до этого. Возможно, я, как и ты, надеялся, что мы сможем продолжать нашу нынешнюю жизнь до бесконечности. Но, родив наследника, мы продемонстрируем всем, что у нас с тобой настоящий брак, настоящий союз и что не надо бояться королевы, ибо она мать ребенка короля.

Говоря это, он не смотрит на меня, и это хорошо, поскольку я слишком потрясена, чтобы отвечать. Я знала, что этот день придет – но не так скоро. Не сегодня.

– Это однозначно даст понять всему королевству, что я поддерживаю тебя и что наши два королевства будут объединены навек, ибо у них будет единый наследник. Или наследники, если у нас родится не один ребенок, а больше, на что надеются все. Если у нас будет несколько детей, это будет означать больше потенциальных династических союзов. Мы сможем обеспечить будущее наших королевств и всех государств Авантина.

Дея, дай мне сил. Хансен все говорит, говорит. Должно быть, герцог Овинь выговаривал ему по этому поводу несколько часов. Я судорожно стискиваю край ставни. Нет, нет, нет. Не может быть, чтобы это происходило на самом деле. Не может быть, чтобы Хансен нарушил все обещания, которые он мне дал. Он сказал, что мы можем подождать. Что нет нужды спешить. Что он никогда не попросит меня

дать ему то, чего я давать не хочу.

– Поэтому... – продолжает он, подойдя к камину и прислонившись к каминной доске. – Поэтому... я согласился оставить Сесилию. Леди Сесилию.

Он толкует о своей нынешней фаворитке, той, которая чересчур громко хихикает и носит маски, отделанные черными перьями, скандализируя здешних слуг. Хансену нет нужды произносить слово *любовница*, чтобы я поняла, что он имеет в виду. Мне не нравится то, к чему он клонит.

– Она, разумеется, останется при дворе, – продолжает Хансен. Его лицо порозовело еще больше; пожалуй, он стоит чересчур близко к огню. Мне бы хотелось думать, что ему стыдно за свое поведение, но, скорее всего, это значило бы ожидать от него слишком многого. – Однако она больше не будет занимать покои, примыкающие к моим.

– Понятно, – отвечаю я. Мне жаль леди Сесилию; она наверняка воображает, что Хансен останется ее преданным любовником, боготворящим ее, но на самом деле он готов избавиться от нее, как только оказалось, что простые люди больше им не восхищаются. – Как это великодушно с твоей стороны.

Хансен фыркает, давая понять, что моя насмешка не заслуживает ответа. Затем начинает барабанить пальцами по каминной доске. Может, я рассердила его? Но нет, это не так.

– И вот еще что, – нерешительно добавляет он – вероятно, чувствуя, что ступает на зыбкую территорию. – Видишь ли,

Сирень, люди должны видеть, что ты, э-э, тоже одна. Думаю, Главному Ассасину придется уехать из замка.

– Главному Ассасину? – повторяю я. – А он тут при чем?

При мысли о том, что Кэл покинет меня, я содрогаюсь – от ярости и от страха. Острая тоска по нему, по его прикосновению, его запаху, его близости пронзает меня. Я думаю о его оливковой коже на белой простыне, и все мое тело тянется к нему.

Хансен многозначительно смотрит на меня.

– Думаю, ты знаешь, при чем тут он.

– Нет! Мы не станем о нем говорить, – отвечаю я, повысив голос и чувствуя, как кровь стучит у меня в висках. Если король знает – *а он знает*, – то нам конец. Ничто не может помешать Хансену приказать предать нас смерти за прелюбодеяние и государственную измену.

Но вместо этого Хансен просто просит меня сделать то, что сделал сам. Оставить моего фаворита.

Но Кэл для меня не развлечение, он не то, чем для Хансена является Сесилия. Кэл – это... это... Какие тут можно подобрать слова? Кэл был прав, для описания наших с ним отношений не существует слов, кроме тех, которыми описывают незаконную связь. Он для меня никто; он должен быть для меня никем. Я замужем. Я королева.

– Однако мы должны это обсудить! – Хансен хлопает ладонью по каминной доске. – Будь благоразумна! Ты отлично понимаешь, что Холт должен находиться за пределами зам-

ка, если мы... хотим зачать ребенка. Чтобы все *знали*, что это дитя короля.

Изумление уступает место чему-то намного более противному, от чего меня начинает тошнить. Он знает. И Совет тоже знает. Наш с Кэлом секрет – это вовсе не секрет, а нечто такое, что король и его совет терпели до этого дня...

Если Кэла отправят прочь и я зачну ребенка, никто не сможет сказать, что король не отец своего собственного наследника. Хансен оставил свою любовницу, но она может продолжать жить при дворе; она просто не может более занимать покои рядом с его собственными. А когда своего любовника оставляю я – оставляю любовь всей своей жизни, – его надо будет отправить прочь с каким-то заданием, дабы все нетерпимые придворные сплетники Монта могли быть уверены в том, что отцом любого рожденного мною ребенка является король.

Мое сердце бьется часто и гулко.

– А мы не могли бы подождать? – в отчаянии спрашиваю я. – Ведь мы женаты всего несколько месяцев.

– Подождать чего? – У Хансена усталый тон. – Подождать, пока люди не полюбят нас вновь? Пока наш брак не продлится более года и все начнут шушукаться о нас, гадая, что с нами, э-э, не так? Гадая, состоятелен ли король... как мужчина? И не бесплодна ли королева? Как быть со слухами о том, что ты либо ведьма, либо хочешь восстановить империю Авантин и по этой причине отказываешься подарить мне на-

следника? Подумай об этом. — Он смотрит мне в лицо. — Сирень, мы должны родить ребенка — и чем раньше, тем лучше.

Теперь я вижу, что Хансен отнюдь не скучающий сопративитель, каким я его считала, и не избалованный тщеславный юнец. Он король и должен исполнить свой долг, как бы это ни было ему неприятно, и он старается быть со мной настолько добрым, насколько это возможно.

— Мне правда жаль, — говорит он, — но мы с тобой уже не дети. Мы должны оставить наши игрушки.

Он нерешительно кладет руку мне на плечо, и я заставляю себя посмотреть ему в глаза.

— Неужели я так уж тебе неприятен? — спрашивает он. — Я же не прошу тебя любить меня. Я прошу только о том, чтобы мы сделали то, что необходимо для блага королевства.

Закрой глаза и думай о Реновии, да?

И отошли своего любовника.

Но я молчу. И, горбясь, опускаюсь на стул. У меня не осталось сил сопротивляться. Рима измотала меня физически на тренировке во дворе, но это намного, намного хуже. Мне плохо, меня охватывает беспомощность, которую я презираю. Как бы мне хотелось по-прежнему быть Тенью, девушкой, выросшей в лесу и в лугах, а не высокородной дамой, которая заперта в замке, как в ловушке, и которой читают нотации о ее обязанностях.

Мой пульс неистово бьется, как будто все мое тело восстает.

— Ну вот как-то так, — говорит Хансен таким тоном, будто мы только что болтали о новых гобеленах для летней королевской резиденции. — Малый Совет собирается на чрезвычайное заседание, и мы оба должны явиться на него.

У меня нет слов, и я просто смотрю на свои ноги. Я чувствую себя сломленной, и, надо думать, это заметно и по моему виду. Кэл будет отправлен прочь. Его место займет Хансен. Ребенок — ребенок, которого я рожу не от Кэла. Как я смогу любить такого ребенка? Возможно, я и впрямь чудовище.

— Я понимаю, что тебе нелегко это принять, но, думаю, это к лучшему. Холт может принести нам куда больше пользы, находясь на задании, а не при дворе. Твой ассасин — человек действия. Он не будет чувствовать себя в своей тарелке, играя роль какого-то помпезного охранника или натаскивая кучку новобранцев. Его задача состоит в том, чтобы ограждать тебя от опасности, и чем скорее ты родишь мне ребенка, тем лучше будет обеспечена твоя безопасность.

Он сочувственно сжимает мое плечо. И мне тошно от его доброты.

Я смотрю на мерцающий огонь, не желая встречаться взглядом с Хансеном.

— Ты сказал то, что хотел сказать. Встретимся на заседании Совета.

Хансен уходит, не произнеся более ни слова и открыв дверь самостоятельно, вместо того чтобы постучать и подождать,

когда это сделают пажи. Я еще никогда не видела, чтобы он отворял двери сам, и объясняла это тем, что он слишком ленив и избалован. Теперь же я понимаю, что он поступал так затем, чтобы пажи могли почувствовать, что они хорошо выполняют свою работу. Ведь это честь – служить королю.

Хансен отнюдь не так беспечен и легкомысленен, как я считала до сих пор. Он способен на политические маневры, он манипулирует людьми. И после нашего сегодняшнего разговора я вижу, что он может даже пожертвовать своими чувствами ради того, чтобы получить наследника.

Все эти месяцы нашего брака я тешила себя иллюзиями. На самом деле нынешние слухи правдивы: моя матушка и впрямь мечтает о том, чтобы объединить все государства Авантина. Наш с Хансеном брак – первый шаг к осуществлению ее мечты. А следующий – это появление у нас детей, чтобы, повзрослев, они сочетались браком с тем, кто унаследует престолы Аргонии и Ставина. Это будет продолжение династии Деллафиоре, сказала она мне. Я слушала ее, но, наверное, по-настоящему не слышала. Или же думала, что, когда мне придется исполнить мой долг, я сочту его терпимым, не мешающим моим отношениям с Кэлом. Не препятствующим моей любви к Кэлу, моей верности ему.

Я обещала ему, что мой муж будет мне мужем лишь номинально. И думала, что смогу сдержать это обещание.

Вороны за окном каркают, словно насмехаясь надо мной. В этом злосчастном старом замке все знают всё. И все полу-

чают то, что хотят. Все, кроме меня.

Мне пора повзрослеть, и я это знаю. Пора наконец посмотреть в лицо Малому Совету и королю и смириться со своей участью, смириться с тем, что я королева.

Глава 7

Кэледон

Когда Кэл получает приказ явиться на чрезвычайное заседание Малого Совета, уже почти наступили сумерки, и муштра новобранцев во дворе подходит к концу. Из-за усталости и неумелости большинство рекрутов выдохлись, и Кэлу кажется, что весь этот день он только и делал, что впустую тратил свое время.

Надо полагать, думает он, что предстоящее заседание совета будет посвящено сообщению Главного Писца о том, что он видел на лестнице башни монаха-афразианца. Кэл уже выставил перед входом в башню часовых, и в скором времени здание обыщут. После того как все писцы – и отец Юнипер, личный священник Сирени, – удалятся на ночь в свои комнаты, дверь в башню будет заперта и солдаты будут охранять ее до рассвета. И тогда башню обыщут вторично. Собственно говоря, капитан гвардейцев пообещал, что будет произведен тщательный осмотр всего замка, дабы удостовериться, что серые монахи не прячутся в помещениях для слуг и не скрываются в подвалах или катакомбах.

Кэл подозревает, что, по мнению капитана гвардейцев, Даффрану это всего лишь померещилось, поскольку у стража глаза велики. Что ж, свидетель из Главного Писца и в самом деле неважный, так что Кэл никак не ожидал, что Ма-

лый Совет отнесется к его заявлению так серьезно, но, надо полагать, после того что произошло в Стуре, они решили, что проникновение афразианцев в замок все-таки возможно.

Он бежит вверх по винтовой лестнице, соединяющей все этажи донжона. Ему странно подниматься по этой широкой парадной лестнице, ведь он привык пользоваться другой, узкой, которая ведет из подвала в комнату, называемую Секретом Королевы.

Заседания Малого Совета проходят в роскошном зале со стенами, обшитыми деревянными панелями, и таким высоким потолком, что обогревается он двумя большими каминами. За окнами уже почти совсем темно, и на столе горят свечи в роскошных подсвечниках. Это помещение напоминает Кэлу охотничий домик, тем более что на полу здесь лежат огромные охотничьи собаки Хансена, приоткрыв пасти и высунув языки.

Раз здесь собаки, значит, явился и сам Хансен – это первая неожиданность. А вторая состоит в том, что здесь и Сирень – сидит на противоположном конце стола, напротив двери. При виде ее лица, прекрасного и обеспокоенного, у Кэла екает сердце. Как же ему хочется броситься к ней, поцеловать ее в губы, но вместо этого он просто кланяется ей, и его лицо остается невозмутимым и бесстрастным, как всегда. Сирень не встречается с ним взглядом.

Похоже, только один человек здесь рад его приходу – это Даффран. Герцог Овинь сидит, развалившись в своем крес-

ле, и его толстые пальцы подрагивают, поскольку сейчас он не держит в руке кружку с хмельной медовухой. Кэл не доверяет герцогу – не потому, что подозревает, что он, как и герцог Гирт, является афразианцем, а потому, что герцог Овинь, похоже, не питает теплых чувств к Сирени. Для него она всего лишь пешка в игре, а не женщина из плоти и крови.

Сегодня свое место за столом занял даже канцлер, старый, одышливый лорд Берли, хотя подниматься по лестнице ему наверняка нелегко. Похоже, приход Кэла не вызвал у него интереса. Кэл стоит у высокого окна, ожидая, когда к нему обратятся или попросят выйти вперед. Когда члены совета захотят услышать его и отдать ему приказ, они будут знать, что он здесь.

Необходимость подняться по лестнице – это не единственная причина того, что лорд Берли нечасто принимает участие в заседаниях совета. В сложной иерархии Монтри-са он превосходит по рангу весь Малый Совет, вместе взятый, и потому обычно дает советы королю один на один в помещении для королевских аудиенций, находящемся рядом с апартаментами канцлера. Кэл видит его редко, и, по словам Сирени, она тоже видится с ним нечасто, хотя время от времени Хансен и просит ее поучаствовать в этих конфиденциальных встречах, чтобы сам он мог не слишком напрягаться. Она рассказывала Кэлу, что лорд Берли не помнит – или не желает помнить, – что она полноправная правительница, а не консорт. Похоже, они все предпочитают вести дела так, как

в Монтрисе было заведено до того, как здесь появилась она.

Но это не то, чего хочет она, и не то, чего хочет сам Кэл.

– Я рассказал обо всем этом Главному Ассасину, – говорит Даффран, махнув в сторону Кэла рукой, на которой красуются чернильные пятна. – Он знает, о чем речь.

– Вам просто *показалось*, будто вы что-то видели. – Герцог Овинь кривит рот в недовольной усмешке. – Вы видели чей-то плащ, и вам померещилось, что он был серого цвета, но вы не видели черной маски. И не почуяли вони, подобной той, которая исходит от диких зверей. С какой стати монаху-афразианцу вообще было появляться на лестнице башни? Никто из важных персон там не живет, вход и выход там только один, и под башней нет ни темниц, ни подземных ходов. А окно часовни на первом этаже слишком мало, чтобы в него мог пролезть взрослый мужчина...

– Возможно, – перебивает герцога лорд Берли, – это был один из ваших писцов, решивший сыграть с вами шутку.

– Уверяю вас, среди королевских писцов нет шутников. – Судя по его тону, Даффран оскорблен. Кэл подавляет невольную улыбку. – Мы относимся к нашей работе серьезно. Мы не скоморохи и не шуты!

– Разумеется, есть еще и священник, – замечает герцог. – Как его там?

– Его зовут отец Юнипер, – говорит Сирень своим самым высокомерным тоном. Хотя в зале и царит полумрак, Кэл видит, как раздраженно раздуваются ее ноздри. Вид у нее на-

много более расстроенный и подавленный, чем можно было бы ожидать. Он полагал, что утренняя тренировка поможет ей стряхнуть с себя хандру, вызванную той злополучной поездкой на праздник урожая, но очевидно, что это не так.

– Разве гвардейцы не делают всего того, что должны? – раздраженно вопрошает Хансен. Вид у него такой же недовольный, как и у Сирени. – Не вижу смысла обсуждать это опять и опять. Здание будет осмотрено вдоль и поперек, и, если в нем будет обнаружен кто-то, представляющий угрозу, его допросят под пыткой в подземелье, как и положено.

– Совершенно верно, – соглашается герцог Овинь. – Ваше величество правы, как всегда. Гвардейцы ведут розыск. Они оградят от опасности и Главного Писца, и его подчиненных...

– И отца Юнипера, – напоминает ему Даффран.

– Да, конечно. И писцы, и священник – они все будут под охраной. Если какой-то серый монах и впрямь ухитрился проникнуть в нашу здешнюю твердыню в то время, когда во дворе идет подготовка небывалого числа солдат, не говоря уже о присутствии здесь нескольких подмастерьев ассинов, отобранных Гильдией Очага, то его непременно найдут. – По тону герцога ясно: он не верит, что такое проникновение и правда имело место.

Кэл не понимает, с какой целью его вызвали, если все в Малом Совете уже и так знают, какие шаги были предприняты по жалобе Даффрана.

– А теперь, – говорит герцог, повернувшись в своем кресле так, чтобы больше не видеть писца, – перейдем к более важным делам. Холт, пожалуйста, выйдите вперед.

Кэл выходит из тени и отвешивает поклон.

– Послушайте, Холт, – начинает Хансен, и Кэл удивляется. Король никогда не разговаривает с ним, не обращается к нему. Они неизменно держат дистанцию. Кэл отмечает про себя, что, хотя Хансен и обращается к нему, он не смотрит на него.

– Я объясню, – вмешивается герцог, явно не желающий, чтобы король сам дал задание своему Главному Ассасину и, возможно, все испортил. Что неудивительно, думает Кэл. Хансен сгорбился в своем кресле, как ученик, ожидающий, что его сейчас отчитают. – Недавние события в Стуре не могут не внушать тревогу. Они чудовищны и говорят о том, что нашему народу грозит ужасная опасность. Как вам известно, нам сообщили, что в герцогстве Ставин были произведены похожие атаки. Мы не можем терпеть, чтобы в Монтри-се творились такие жестокие и подрывные дела. Это недопустимо.

Кэл ничего не говорит, хотя герцог и закончил свою речь. Все сказанное – это отнюдь не новость. Он, Кэл, проводит все дни во дворе замка, муштруя солдат именно затем, чтобы они отправились на север и навели там порядок.

– Главный Ассасин, – пыхтит лорд Берли. – Нам необходимо, чтобы вы выполнили особое задание.

У Кэла падает сердце. Значит, вот оно что. Они отправляют его на север вместе с этими деревенскими парнями. Неудивительно, что Сирень выглядит такой мрачной.

– Даже если здесь, в замке Монт, на самом деле ничего не происходит, орден афразианцев все равно остается под угрозой, – продолжает лорд Берли, пригладив свои темные одежды. – Они действуют, пуская в ход свою черную магию и используя священную премудрость Свитков Деи, дабы достичь своих гнусных целей. Но все получаемые нами сведения продолжают свидетельствовать о том, что их операционной базой является Реновия, это, если хотите, их плацдарм.

Лицо Сирени мрачнее тучи.

– Они все еще там, – продолжает герцог. – Мы знаем, что это так, и вы, вероятно, тоже это знаете. Они базируются где-то в болотах Реновии, укрывшись там со Свитками Деи и готовя свой следующий акт магического террора. А вы хорошо знаете тамошнюю обстановку, и характер той местности вам знаком.

– Да, сэр, – отвечает Кэл. Так оно и есть: он знает Реновию настолько хорошо, насколько это вообще возможно. Хотя это значит только одно – что он знает, как избегать имеющихся там опасностей и ловушек.

– Тогда вы должны выехать немедленно, – говорит герцог. – И возьмите с собой только самых лучших своих людей. Все остальные ваши люди останутся здесь, в Монте, чтобы охранять их величеств или чтобы отправиться на север вместе с

гвардейцами и разгромить тех наших врагов, которые ныне находятся там.

– И ваша миссия должна непременно увенчаться успехом. – У лорда Берли дрожат руки – непонятно, от старости или от страха. – От этого зависит государственность нашего королевства. И жизни наших людей.

– А также, – добавляет герцог, – репутация королевы. Пока мы не искореним афразианскую угрозу, наши люди будут считать, что Реновия замешана в этом деле. Пока афразианцы и тот, кто ими руководит, имеют свободу рук, клевета на ее величество будет продолжаться.

Сирень ничего не говорит. И, кажется, едва сдерживает слезы. Кэл не хочет ее покидать, но это новое задание определенно позволит ему найти своим навыкам лучшее применение, чем муштра солдат. Если афразианцы окопались в Реновии, то он тот, кто способен уничтожить их раз и навсегда.

– Вам необходимо выехать утром, – говорит Хансен, и тон его непреклонен. – Как только рассветет.

Даже герцог, похоже, удивлен тем, что Хансен так торопится.

– Ваше величество, возможно, мы можем дать Главному Ассасину время для того, чтоб подготовить тех, кого он возьмет с собой, – говорит он королю. Хансен кривится.

– Он возьмет с собой этого мальчика – Джендера, – который прежде был немым. Но нынче я слышу, как он разговаривает с лошадьми в конюшне, значит, он снова обрел дар

речи. – Он смотрит на Кэла с неприкрытой неприязнью. – Не так ли, Холт?

– Именно так, ваше величество, – сухо отвечает Кэл.

– Вам нужно взять с собой еще одного бойца, Холт, – добавляет герцог Овинь. – Этот ваш малец слаб – он не крепче пера. А вам нужен кто-то, хорошо умеющий вести бой. Боюсь, вам будет противостоять сильный противник.

– Со мной поедет Картнер, сэр. – Кэл сразу же, не задумываясь, называет фамилию Римы. – Она новенькая, приехала с гор Монтриса. Среди моих подмастерьев она лучшей боец и лучший следопыт. И ей, как и Джендеру, ведома премудрость Гильдии Очага.

– Что ж, тогда решено. – Хансен явно доволен. – Теперь мы обо всем договорились. Возьмите лучших лошадей в королевской конюшне. Выезжайте утром. Я уже послал гонца к королеве-матери в Серроне, чтобы сообщить ей, что вы едете в Реновию.

– Уже? – В голосе лорда Берли слышится изумление.

– Да, – отвечает Хансен, порозовев. – Я отправил гонца немедленно после моего сегодняшнего разговора с королевой Сиренью. С моей женой.

Он показывает на нее, сидящую на другом конце стола, как будто кто-то может сомневаться в том, о ком он толкует. Сирень смотрит на него, будто в дурмане.

– Вам следовало послать двух гонцов, – бормочет герцог. – Или даже трех. Это чертовски опасный путь, а сама Рено-

вия – это, как я слышал, одна сплошная бездонная дыра. Холт, подготовьтесь к поездке. Вам, разумеется, будут выданы деньги. И все остальное, что вам может понадобиться. Полагаю, вас не будет несколько месяцев.

Несколько месяцев. Эти слова бьют Кэла под дых.

– А к тому времени, когда вы вернетесь, – говорит лорд Берли, приклеив к своей старой хитрой физиономии фальшивую улыбку, – у вас будут для нас хорошие новости, а у нас тут, в Монте, будет своя собственная хорошая новость.

– Сэр? – Кэл не понимает, на что он намекает.

– Я, разумеется, говорю о наследнике. – Герцог Овинь тоже улыбается. Когда он вот так оскаливает зубы, вид у него делается, как у хищного зверя, готовящегося наброситься на свою добычу. – Их величества только что сообщили нам, что они намерены заиметь детей. Надеемся, что к лету у нас будет наследник престолов Монтриса и Реновии.

– И что афразианцы будут наконец разгромлены, – добавляет лорд Берли. Кэл чувствует себя так, будто его ударили кулаком по лицу. *Их величества только что сообщили нам.* Когда же Сирень собиралась сообщить об этом *ему*?

– Что ни делается, все к лучшему, – говорит Хансен, отодвинув свое кресло. – Все будет так, как надо. Моя дорогая?

Он делает знак Сирени, и она медленно поднимается со своего места. Члены Малого Совета скребут по полу ножками своих кресел, спеша встать. Хансен тоже стоит, ожидая, чтобы она обошла стол – дальнюю сторону стола, которую

она огибает, избегая смотреть на Кэла. Затем берет Хансена под руку, и они выходят, высоко подняв головы, как и полагается королевской чете.

Трое членов Малого Совета опять садятся в свои кресла, а Кэл остается стоять, словно пригвожденный к месту. Его отправляют на опасное задание, которое продлится долго. А Сирень и Хансен будут делить постель, чтобы зачать ребенка.

Их тайным ночным встречам пришел конец. Сирень – королева и обязана исполнять свой долг. Он понял это в тот день, когда она решила выйти замуж за Хансена – и спасти его, Кэла, жизнь. Она принесла огромную жертву, чтобы он мог жить.

Но сейчас ему кажется, что эта цена была слишком высока. Сегодняшнее заседание Малого Совета напомнило ему, что он всегда будет всего лишь слугой королевы – ее ассасином. Он должен исполнять приказы. В день своей свадьбы Сирень дала клятву другому мужчине. Кэл был дураком, когда воображал, будто его связь с королевой будет продолжаться вечно.

Они дали друг другу обещания, поклялись, что всегда будут любить друг друга, но в действительности их связывает только одно – маленький ключик от тайной комнаты.

Его долг состоит в том, чтобы отправиться туда, куда его посылает Малый Совет. А Сирень обязана исполнить свой долг перед королевством – и перед своим мужем.

Глава 8

Сирень

Я не уверена, что Кэл придет ко мне сегодня вечером. После ухода фрейлин прошло уже столько времени, что вряд ли он уже появится. Возможно, он собирается отправиться в путь так рано, что у него нет лишнего времени. Ему надо подготовиться к поездке.

Но не может же он уехать, не простившись со мной. Не проведя эту последнюю ночь в моих объятиях.

Караульные на стенах кричат:

– Полночь! Полночь!

Я встаю с кровати и, подойдя к окну, смотрю на луну. Она то появляется, то исчезает за наплывающими серыми тучами. Похоже, хорошей погоде, которая стояла осенью, пришел конец. Возможно, вчерашний день стал последним, когда было ясно и светило солнце. Зимой в Монте небо затянуто свинцовыми тучами и то и дело идет дождь.

В Реновии сейчас стоят туманы, и зима – наихудшее время для выполнения таких заданий, как то, на которое отправили Кэла. Но я понимаю, что нельзя терять время, когда афразианцы так свирепствуют.

К тому же Хансен хочет удалить Кэла из замка еще и затем, чтобы не возникло вопросов о том, кто настоящий отец наследника престола. От одной этой мысли меня бросает в

дрожь. Я могла бы написать еще одно письмо моей матушке, попросить ее вмешаться. Но это не имеет смысла – она встала бы на сторону Хансена. И сказала бы мне, что я должна терпеливо выполнять свои супружеские обязанности, а после того, как у меня родится один или два ребенка, мы с Хансеном опять сможем каждый жить своей собственной жизнью.

Все это кажется таким ясным, таким целесообразным. Таким отвратительным.

Тук-тук-тук. Я едва ли не бегу к двери, подобрав подол моей волочащейся по полу ночной рубашки и перепрыгнув через скамеечку для ног. Отворив дверь, я вижу Кэла, но он не обнимает меня. Мои глаза привыкли к темноте, но я не могу разглядеть выражение его лица. Однако в самой его позе, в том, как он стоит, чувствуется такая напряженность, такая непреклонность, что я невольно отступаю в сторону с его пути. Вместо того чтобы направиться к кровати, он подходит к камину и, сняв камзол, бросает его на кресло.

Мне хочется спросить его, что не так, но это глупый вопрос. Все не так, все. Кэл уезжает, и, скорее всего, мы не увидимся еще несколько месяцев.

Он опускается в другое кресло и зарывается обеими руками в свои волосы, что говорит о том, что он взвинчен. Он отбрасывает в сторону скамеечку для ног. И даже не пытается снять сапоги.

– Значит, – бесцветным голосом говорит он, – вы с Хан-

сеном хотите поиграть в счастливую семью. Ты собиралась сказать мне об этом или рассчитывала, что эту новость мне сообщат на людях?

– Это несправедливо, – отвечаю я, подходя к нему и для убедительности тоже лягнув скамеечку для ног. – Когда я могла с тобой поговорить? Для меня это тоже стало полной неожиданностью. Я понятия не имела, что они собираются отправить тебя прочь.

– Вид у тебя был не очень-то удивленный. – Он смотрит на меня, подозрительно сощурив глаза.

– Ну, я, разумеется, узнала об этом до начала заседания совета.

– Понятно. Ты знала, но ничего мне не сказала.

– Как я могла тебе сказать? Я же не могу призвать тебя к себе, когда мне вздумается, ведь замок и так взбудоражен, все подозревают меня невесть в чем. Хансен пришел ко мне очень расстроенный и сказал, что мы... должны что-то предпринять, раз люди здесь так ополчились на нас. Он считает, что для этого мы должны родить наследника, чтобы поменять общественное мнение и скрепить союз между нашими странами. Чтобы на меня больше не смотрели как на чужую. Чтобы меня перестали ненавидеть.

– Это похоже на речь, написанную герцогом Овином, – говорит Кэл, и мне хочется дать ему пощечину. Он так все усложняет.

– Мы оба знали, что когда-нибудь этот день настанет, –

говоря я, пытаюсь урезонить его. – И просто надеялись, что это произойдет не так скоро.

– Похоже, ты быстро все решила, – отвечает он, ничуть не урезоненный. – Стоило Хансену поднять этот вопрос, и ты капитулировала.

От этих слов я вся сжимаюсь.

– Мне тошно от этой мысли. И Хансену она тоже не по вкусу.

Кэл качает головой.

– У Хансена что ни месяц, то новая любовница. Для него ты просто еще одна молодая женщина, с которой он будет спать, еще одна зарубка на столбике его кровати. Но ты... – Он отводит глаза, и я слышу, как дрожит его голос.

– Ты для меня все, – говорю я. Почему он не слушает меня? – Хансен ничего для меня не значит. Есть только ты и я, и больше никого. Один наследник престола, и все будут удовлетворены.

По крайней мере, так будет какое-то время, думаю я, но мне не хочется говорить о том, что я, возможно, должна буду родить Хансену и других детей. Кэл и так уже безутешен.

– Все? – язвительно вопрошает он.

– Не ревнуй, – отвечаю я. – Я ведь тоже угодила в ловушку. Ты упрямисься и сходишь с ума.

Он вздыхает и откидывает голову назад. Почему он не хочет быть благоразумным? Кажется, именно это сказал мне Хансен, не так ли? Будь благоразумна?

– Просто признай, – говорит он, глядя в потолок, – что ты рада убрать меня с дороги, чтобы тебе можно было вести себя как королева и стать образцовой женой Хансена, как ты того хочешь. Это же очевидно.

– Ты так думаешь?

Прежде чем он успевает ответить, я быстро продолжаю:

– А почему бы тебе самому не признать, что ты рад оставить этот ненавистный тебе замок, эту ненавистную тебе столицу и эту ненавистную тебе страну, чтобы уехать с Римой?

– Ха-ха! – Смех Кэла неестественен, и в нем звучит озлобленное ехидство, которого я никогда не замечала за ним прежде. – Так кто же из нас ревнует и сходит с ума?

– Ты невыносим. – Я складываю руки на груди. – И ты не ответил на мой вопрос. Почему ты, хотя в твоём распоряжении так много подмастерьев ассасина, сразу же назвал Мало-му Совету ее имя? Герцог говорит тебе, что тебе нужен кто-то, умеющий вести бой, и ты тотчас выкрикиваешь ее имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.